

Дарья Гущина

ВЕДЬМИНА
ДОЛЯ

16+

Дарья Гущина
Ведьмина доля
Серия «Ведь мы – ведьмы!», книга 1

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67162703
Ведьмина доля: SelfPub; Новосибирск; 2016*

Аннотация

В обычном сибирском городе происходят странные вещи. Ритуально убивают приезжих ведьм. Нечисть охотится за девочкой с сильным даром. Видения показывают, как в ближайшем будущем, прорвав ткань миров, в городе объявится нечто – страшный привет из кровавого прошлого. А в центре этого – Ульяна, ведьма Круга, опекающая девочку и видящая. Но что она сможет сделать, если именно ее заподозрят в ритуальных убийствах? Как помочь городу – и сохранить свою опасную тайну?
Первая книга цикла.

Содержание

Пролог	4
Часть 1: Осенние обострения	6
Глава 1	6
Глава 2	29
Глава 3	54
Глава 4	75
Глава 5	97
Глава 6	119
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Дарья Гущина

Ведьмина доля

Вы заметили, что в сказках ведьмы носят дурацкие чёрные шляпы, тёмные одежды и летают на мётлах?

Но наша история – не сказка.

Мы расскажем о ведьмах настоящих.

Роальд Даль «Ведьмы»

Пролог

Ведьма стояла на крыше и смотрела на ночной город.

Город, который должен был стать её новым домом. А стал западней. И тюрьмой – из-за тюрьмы. И месяца не пройдёт, как тонкие слои мира, полные призраков, выплунут из своей жуткой утробы самое страшное порождение прошлого – древнюю тюрьму с нечистью. Место, где запирали то, что не поддавалось уничтожению.

Ведьма втянула носом воздух.

Пока несчастьем и не пахло – но лишь пока. Скоро осенние улицы затопит тьма, сводящая с ума всех обитателей – и людей, и ведьм, и нечисть. И Круг, конечно, встанет на защиту. Весь. Кроме неё. У неё – иная задача: найти клад. Потерянное сокровище стародавних ведьм, скрытое в недрах

тюрьмы. Давняя мечта. И проклятье, искалечившее множество жизней. С которым пора покончить. Раз и навсегда.

Ведьма склонила голову набок, убрав за ухо длинную прядь волос.

Прошло почти двести лет, и о тюрьме, конечно, давно забыли. Почти все. Лишь один человек знает о сокровище и способен помешать завладеть им – Верховная ведьма Круга. Если, конечно, она не будет занята другим, более важным делом. У всех есть слабые места. Отсутствующая преемница. Строжайший надзор. И – родная кровь. Главное – занять Верховную важным делом. Любим. Но осторожно, не привлекая лишнего внимания к своей персоне. Слишком многое стоит на кону. Слишком многим она пожертвовала.

Осенний город спал. Нежился в рыжей листве, впитывал последнее тепло ускользящего лета, слушал шуршащие колыбельные южного ветра. И не понимал. И месяца не пройдет, как он уснет навсегда. И найдется ли тот, кто не позволит истории повториться? Снова?

Резко отвернувшись, ведьма медленно побрела вдоль края крыши.

И почти всё готово – нужная нечисть, нужные люди, нужные ритуалы, нужные места. И необходимая нежить. Не прибыл лишь основной объект, но его появление в городе – дело времени. Очень короткого.

А ещё...

Часть 1: Осенние обострения

Глава 1

Настоящие ведьмы одеваются в самые обычные платья и похожи на самых обыкновенных женщин.

Они живут в таких же домах, как и все мы, а иногда даже ходят на работу.

Роальд Даль «Ведьмы»

– ...а ещё он должен быть красивым, как Брэд Питт, понимаете? И таким же сексуальным! А ещё – с чувством юмора, как у Светлакова! И умным! Да, умным – это обязательно! Вот как... как... ну, обязательно! А ещё...

Подперев ладонью правую щёку, я уныло внимала пожеланиям клиентки, а она трещала без умолка, перечисляя качества вождя суженого. С фантазией у неё имелись очевидные проблемы. Как и с чувством меры.

– А ещё... – клиентка возбуждённо навалилась на стол, предъявляя веснушчатое содержимое глубокого декольте. – Ещё он должен быть... – и запнулась. Голубые глазки лихорадочно бегали по тёмной комнате в поисках желанного «его», но находили лишь зажжённые свечи. – Ещё...

...губозакаточную машинку, пуговицу на лоб и таблеток от жадности. И побольше-побольше.

– Ещё он должен быть хорошим человеком, и неважно, какого цвета у него «лексус»? – подсказала я терпеливо.

– Как это неважно? – она выпрямилась. – Важно! Красный! Как джип!

Я закатила глаза. Очень, до дрожи в руках, хотелось превратить её в жабу, но... Это хороший психотерапевтический приём, кстати. После пары дней кваканья люди так радуются, вновь становясь людьми, что забывают на прежние комплексы и недостатки. И начинают любить себя хотя бы за то, что они люди, а не жабы. Но... Но! К сожалению, я «превращенческой» магией не владею. Зато знаю, кого можно попросить.

– А ещё...

Я едва не зажала уши. Терпение, только терпение... Я поёрзала, подперев ладонью левую щеку и вытянув под столом ноги. У тётки случился приступ вдохновения, и она усердно продолжила выносить мне мозг. Необъятная блондинистая старая дева, пережаренная в солярии и наряженная «розовым» подростком, – что может быть хуже?.. И не гадалка ей нужна, а психолог, стилист, диетолог и год занятий в фитнес-клубе с личным тренером. Но иногда проще один раз поверить в чудо, чем каждый день работать над собой.

– А ещё... – клиентка задумалась, покусывая длинный алый ноготь.

– Я гадалка, – напомнила вежливо и для солидности наконец взяла карты таро, – и предсказываю будущее, а не со-

здаю его.

– А создать можете? – её глаза фанатично заблестели. – Создать и... привести?.. И приворожить?.. А? Я заплачу! И за привод, и...

– За приводами – в милицию. Вернее, в полицию, – видит бог, я терпела ажно целый час. – А за приворотом – к бабкам. Мы здесь шарлатанством не занимаемся. У нас серьёзная контора и серьёзные клиенты. И мы занимаемся лишь тем, о чём сказано в рекламе. Ни больше ни меньше.

Она сникла и скуксилась. Надулась, как мышь на крупу. Голубые глазки подозрительно выпучились, и на жирафьих ресницах блеснули слёзы. Я равнодушно наблюдала за смежной роли. Да-да, энтузиазмом не заразила, значит, будем давить на жалость...

Я глянула на часы и сухо напомнила:

– Время. У вас осталось полчаса. Гадать будем или хватит на сегодня?..

...издевательств.

Чёрт, ещё и от сандаловых палочек голова болит и в носу свербит до чиха... Я тоскливо посмотрела по сторонам. Крошечная каморка, тёмные шторы, аромасвечи по углам, струйки тонкого дыма и вязкий, душный воздух. Невозможно работать. Но Томка считала, что атмосферу надо блюсти. И меня для конспирации заставила цыганкой нарядиться. Антураж – наше всё.

– Будем... – клиентка, выдержав театральную паузу,

хлопнула носом. Но не на ту напала.

– Чудно.

Что такое полчаса для гадания? Ни о чём. Из-за спешки сакральный и таинственный ритуал был скомкан, и клиентка удалилась недовольной и надутой, хотя я честно нагадала, что у неё всё хорошо. И будет ещё лучше, если она бросит хотеть невозможного и обратит внимание на ухаживания шефа. И к стилисту ходит. И спортом займётся здоровья для. Но, опять-таки, «но».

Закрыв дверь, я резко отдернула штору и распахнула настежь окно, с удовольствием вдыхая терпко-пряный ветер осени. Что за народ пошёл?.. Говоришь, что всё хорошо, – не верят и ждут подвоха. Говоришь, что всё плохо, – оживляются и верят на слово. Я перегнулась через подоконник и зажмурилась, часто-часто дыша. Хочу на волю... Надоело. В мире столько необычного и чудесного, а им всё одно – подавай гибрид Питта со Светлаковым на «лексусе», который красный, как джип. Какая пошлость...

Тихие шаги за спиной. Я втянула носом воздух, ловя запах и сплетая образ. *Мы все дышим одним воздухом...* Крошечная миражная фигурка осуждающе глянула на меня с подоконника. Чёрное платье-футляр, туфли на каблуках, длинный высокий хвост выющихся волос и узкое смуглое лицо в обрамлении мелких тёмных завитков.

– Узнаёшь?

– Балуешься? А к тебе ещё одна клиентка, – Томка встала

рядом и дунула на фигурку. Мираж сделал ручкой и развеялся.

– Ты меня ненавидишь, – сказала я убеждённо. – Люто и извращённо.

– Только сейчас поняла? – тёмные глаза смешливо прищурились.

– Увы, – я грустно вздохнула. – Ты отменно прикидываешься лучшим другом, змея.

Томка усмехнулась:

– Пригрела – терпи. Мы в ответе за тех, кого приручили, – и пообещала: – Ульяш, попозже отпущу. На дело.

– На какое? – я вдохновенно насторожилась.

– К пострадавшей. Она в истерике и панике. В квартире не то домовый шалит, не то полтергейст завёлся, а это по твоей части.

– Кто по моей части? – я подняла брови. – Тётка в истеричной панике или домовый с полтергейстом?

– Выбирай, кто больше нравится, – Томка пожала плечами. – Нам заплатили только за одну проблему и за одно дело. Решать тебе, – добавила великодушно. – Но прежде...

– Ненавижу...

– Уль, а у тебя есть мечта? – спросила она неожиданно и серьёзно.

– Ну... – я перебрала браслеты.

– И у меня давно нет. Только работа, дела, обязанности... Ведьмина доля. А у людей – есть: мелкие, несурзные, но всё

же мечты. Они счастливее нас. Не осуждай. И не суди, да не судима будешь.

Я нервно дёрнула плечом. Ничего не могу с собой поделать... Как в одной народной присказке: не люблю расизм, шовинизм и негров. Всё понимаю. И поэтому предпочитаю не связываться. Я поправила цыганистый парик и косынку, подтянула шаль и собралась с духом. Ладно. Ещё одну.

– Зови, – и закрыла окно.

Томка кивнула и вышла, притворив дверь. Сама-то не наряжалась чучелом, оправдываясь должностью администратора... Я зажгла погасшие свечи и снова села за стол, рассеянно перебрав карты. Очень не вовремя обеих постоянных гадалок унесло по делам: одну – рожать, а вторую – помогать с родами... Иначе ноги бы моей здесь не было. Да и Томкиной тоже. Но и Валя, штатный администратор, уехала на свадьбу к сестре в область. Все такие занятые, одним нам делать нечего...

Дверь тихо скрипнула и открылась, являя девицу лет двадцати пяти. Джинсы, светлый джемпер, синий шарфик, короткая мелированная стрижка. Ничего особенного. Если не считать внимательных карих глаз, обшаривающих гадальню в поисках... информации.

– Добрый вечер, – я натянула на лицо приветливую улыбку. – Присаживайтесь.

Она села на краешек стула и завертела головой по сторонам. А я смотрела на неё – *и читала*. Про тени, которые пля-

шут на стенах, про свечи и собственную странную персону со вздёрнутым носом, огромными кольцами в ушах и съезжающим (да чтоб его...) париком. Профи. Уважаю. Не успела к допросу приступить, а уже статью сочиняет. С места в карьер.

– Слушаю, – я откинулась на спинку стула, ненароком поправляя парик.

– Нет, это я вас слушаю, – девица уселась удобнее и выжидательно уставилась на меня. Только что за диктофон не схватилась. – Вы же ведьма? Так расскажите, зачем я пришла.

– Зачем? – я взялась рассматривать собственные ногти. – По легенде – работать. Писать разгромную статью – о том, как ведьмы дурят общественность и зарабатывают на этом многомиллиардные состояния. А втайне – за тем же, зачем все девицы приходят. Замуж хочется. И так хочется, что четырехлетнего сына вы сбросили на мать, а у неё большое сердце. И большое – по вашей вине. Волнуется, переживает, недосыпает. Внучок, опять же, не ребёнок, а электровеник на атомном двигателе – изматывает на раз. А у вас даже в мыслях нет позвонить и предупредить, что поздно придёте. Хотя бы. Мифический мужик важнее родной семьи?

– П-почему м-мифический?.. – спесь с неё как ветром сдуло.

– П-потому ч-что, – я по-прежнему изучала собственный маникюр. – Замужество вам не светит и не греет. Пока сы-

ном не займётесь. Или через его дошкольные дела с мужчиной познакомитесь, или пролетите мимо, и сами будете виноваты. Ещё вопросы?

Журналистка молчала, а в её мыслях царил полный швах. Я вздохнула. Не гожусь я на эту роль... Мои дела – дороги, улицы и подворотни: дежурить и присматривать за нечистью. Осенний ветер срывает крыши не только у людей, и в столь опасное время ведьмам необходимо быть наготове. Чтобы нас видели. Чтобы понимали – мы рядом, мы *не позволим*. И сидеть сейчас здесь, вправляя мозги кукушкам, которые подкидывают детей матерям, а сами шатаются по гадалкам и делают вид, что работают... Ой, мне же нельзя злиться, я же добрая ведьма...

– Я п-пойду? – девица неловко встала.

– Всего доброго, – я сухо кивнула, а сама едва удержалась, чтобы не рвануть вперёд неё. Смыть грим, переодеться и – на свежий воздух... Посчитав до десяти, я задула свечи и выпорхнула в коридор.

– Уля, тётка!.. Адрес – на столе! И оденься прилично!

В соседней комнате, она же гримёрная и костюмерная, я стряхнула килограммы бижутерии на столик и смыла косметику. А Томка уже тут как тут. Зарылась в костюмы, громко передвигая вешалки.

– Том, я сама!

– Ещё чего, – отозвалась она. – За тобой не проследишь – так и сбежишь бомжом.

– Вообще-то моя настоящая работа не предполагает офисный прикид и... Том! Не позорь меня! Убери с глаз моих!..

– Почему? Оно вполне себе и очень даже...

– Для стриптизёрши! А ждут как бы экстрасенса!

– Одно не получится – другое изобразишь, – флегматично заметила подруга, но раздражающе-открытое платье убрала.

Издевается, разумеется. По старой дружбе.

– Уйди, противный...

Оговариваемая и попрекаемая на каждом шагу, я переделась, застегнула короткое пальто, перекинула через плечо сумку и посмотрелась в зеркало. Оттуда на меня с подозрением прищурилась загорелая девица с копной коротких светло-каштановых кудрей и «антуражными» ядовито-зелёными глазами. Ладно, линзы менять уже некогда...

– Дай хоть твои «пороссячи хвостики» в порядок приведу...

– Во сколько к тётке-то надо?

– Да лишь бы сегодня, – Томка достала из кармана платья ежедневник и сверилась. – Красноармейская, тридцать пять. Третий подъезд, пятый этаж.

– А квартира не тридцать пятая? – я обувалась.

– Нет, пятьдесят третья. А что?

Я хмыкнула:

– Да так... Всё, сконнектимся.

Но Томка, не настоявшая на своём, – это не Томка. Едва я вышла на крыльцо, закрыла дверь и с удовольствием распра-

вила плечи, как... Пальто из черного стало красным и укоротилось до длины пиджака, джинсы мутировали в юбку, а каблочки ботинок значительно прибавили в сантиметрах. Я пошатнулась и взмахнула руками, ловя равновесие. И рассеется этот ужас в лучшем случае к утру.

Ладно... Я, не принявшая вызов, – это не я.

Глубоко вдохнув и задержав дыхание, я посчитала до десяти, в деталях представляя рабочий кабинет Вали, забитый договорами, чеками и прочей бюрократической радостью. И резко выдохнула. Бумаги взметнулись до потолка и разлетелись по кабинету. Приятного вечера и доброй ночи, подруга. Даже тебя Валя убьёт за малейшую путаницу в бумажках. Ухмыльнувшись, я сползла с крыльца и, довольная, поковыляла на дело. Подумаешь, две остановки по разбитым дорогам подворотен...

У нужного подъезда я решила собраться с мыслями перед тем, как. И передохнуть. Спасибо, дражайшая подруга не догадалась в отместку сделать обувь на пару размеров меньше... или больше. Я села на лавку и вытянула ноги. Осень расплзлась по дворам тенью ранних сумерек, разлеталась по городу опавшими листьями и прощальными криками птиц. Ветер взъерошивал волосы и пах свежестью близкой реки. На балконах третьего этажа громко переговаривались соседки, развешивая бельё. А отбитые пятки и подвёрнутые щиколотки приятно пощипывало лечебное тепло. Всё, теперь – хоть на войну... То есть на пятый этаж хрущёвки

пешком.

На звонок дверь открыла женщина лет пятидесяти. Русые с проседью волосы всклокочены, цветастый халат полурасстёгнут, в серых глазах – глухая тоска и страх.

– Ульяна Андреевна, ведьма, – представилась я, украдкой переминаясь с ноги на ногу. – Добрый вечер. Вызывали?

– Проходите, здрастье... – она распахнула дверь.

Первым делом я разулась и с удовольствием пошевелила пальцами ног, оглядываясь. Крошечная прихожая с единственной стойкой-вешалкой, облезлые обои. И ни следа потустороннего. Ни единого. Даже домовый дух не ощущался. Я прошла дальше, бегло изучив обе смежные комнаты со старой мебелью и диким беспорядком.

– Вы, простите...

– Катерина Аркадьевна я, – тётка топала за мной шаг в шаг и смотрела умоляюще.

– Рассказывайте, Катерина Аркадьевна, – я принялась и нахмурилась. Пахло только пирожками. И котом. И всё.

– Чего рассказывать-то?

– Чего происходит – того и рассказывайте.

– Так... вот, – она запахнула старый халат и торопливо обвела руками комнату, показывая.

На полу – одежда вперемешку с книгами, стульями, сумками, обувью и одеялами. С люстры свисают объёмный лифчик и колготки. Створки шкафов приоткрыты и зияют пустыми полками. На подоконнике – опрокинутые цветочные

горшки. Из щели между диваном и стеной настороженно сияют «фары» беспокойных глаз.

Я снова сосредоточенно принялась, изучая воздух. Нет. Не пахнет нечистью, ни разу. Может, конечно, она к коту присосалась и под его запах маскируется... Духи нечисти любят подселаться к животным, и уже через сутки-другие вычислить их сложно. Но одна реальная зацепка есть. Нечисть до психа не любит чужие руки. А животные неравнодушны к светлой магии.

– Кузя, кис-кис-кис! – я присела перед диваном. – Иди-ка сюда, рыжик...

Крупный «перс» пугливо высунул мордочку из щели и живо был схвачен за шиворот. Я взяла его на руки, почесала за ушком, и кот расслабленно запел, перебирая коготками по вороту пальто.

– Нечисти дома нет, – я обернулась к хозяйке хаты. – Ни доброй, ни злой.

– Как... нет? – не поверила она.

– Так... нет, – я пожала плечами. – Вы, Катерина Аркадьевна, лунатик. Дело к полнолунию, вот и буяните по ночам. Разгром учиняете и кота обижаете. А утром просыпаетесь и ничего не помните. И не понимаете.

– А как же проверки, ритуалы...

– Я – потомственная ведьма, а не шарлатанка из цирка, и прыгать с кадиллом и посохами не собираюсь, – я сверкнула глазами. – Я вижу и чувствую. Здесь только вы и кот.

– Но ведь раньше не было... – тётка явно расстроилась.

– Но и проблем у вас таких раньше не было. На работе сокращения. Сын почти месяц в Москве и ни разу не позвонил. Дочь с мужем разводится и делит совместно нажитое. И на вас весь негатив сливает. Вот и результат. И раньше приступы случались, но безобидные – встали, побродили из угла в угол и спать легли. стакан воды можно?..

...а то так есть хочется, что переночевать негде...

Катерина Аркадьевна засуетилась, пряча влажные глаза. Пригласила на кухню, выделила табуретку, налила горячего чаю и пододвинула блюдо с пирожками. И грузно села за стол напротив меня. Я не стеснялась. Устроила кота на коленях, живо умяла пару пирожков с мясом и почувствовала себя человеком. Кузя облизывался, шевелил носом и урчал на всю кухню, но не клячил. Воспитанный. Я украдкой скормила ему пирожковую начинку. Бедный, два дня голодом, пока хозяйка в шоке и транс...

– Что ж делать-то?.. – всхлипнула она. – Что ж будет?..

– Уйдите в отпуск или на длительный больничный, – посоветовала я с набитым ртом. – По трудовому законодательству не уволят – не имеют права. И уезжайте в санаторий, за город, где роуминг и дорогие звонки. И дочь без вас быстрее справится, раз ныть некому будет. И сын позвонит. Обязательно. Всё у него хорошо. Работает с утра до ночи, да и разница во времени стесняет, – я взяла четвертый пирожок. – Очень вкусно, спасибо... Отдохните, успокоительное попей-

те. Лунатизм не лечится. И покормите наконец кота, он ни в чём не виноват.

Вырваться домой я смогла только через два часа. С пакетом пирожков и после сотни заверений в том, что всё хорошо и будет ещё лучше. Катерина Аркадьевна плакала, крестилась и благодарила. Похоже, нечисти она боялась больше своего лунатизма. И зря. Нечисть-то изгнал и живи спокойно, а вот от своих странностей не удрать. А жить и мириться с ними тяжело. По себе знаю.

Напоследок я вручила ей визитку и предложила прийти в наш офис за «лекарством», то бишь за успокоительным. Подмигнула довольному Кузе и сбежала. Вернее, уковыляла. До остановки, на автобус и домой. Совесть и Ответственность требовали переобуться и на обход, а уставшие от каблучков ноги – ванны и покоя. И с небольшим перевесом победили «ноги».

На остановке я позвонила Томке и доложились, заодно предупредив про «лекарство». Подруга туманно намекнула на завтрашнее гадание, но не на ту напала. Теперь меня в офис не затащить даже под угрозой прилюдного четвертования. У всего есть конец, только он – для чего-то начало, и терпение кончилось, сменяясь досадой и тихой злостью. А злиться мне нельзя.

– Завтра Валя закончит со своими делами и пусть гадает, – я, ворча, забралась в автобус и села на одиночное сиденье. – Том, нет! На мне городской нечисти толпа... человек. И за

всеми глаз да глаз. Я Кыса и мастера Сима уже две недели не проверяла, а они – самые опасные из моих. Кто проверит? Ты? Да ты Кыса в жизни не найдёшь, а мастер Сим тебя за километр учует и сбежит. И мне доверять перестанет.

Впередисидящий парень с любопытством обернулся. Автобус ехал медленно и печально, зависая по пять минут на каждой остановке. Я улыбнулась парню и, прикрыв ладонью трубку, поинтересовалась:

– Ролевыми играми не увлекаетесь? Нет? Жаль. Мы каждый месяц играем в охоту на ведьм. Вернее, в охоту ведьм на нечисть. Не хотите присоединиться? А то нас, ведьм, много, а нечисти для охоты мало.

Парень почему-то решил пересесть.

Я быстро закончила неприятный разговор, не дослушав стенаний подруги, и достала из сумки книгу. Час езды до дома – час покоя... Размечталась. На втором абзаце позвонила Надя и спросила, не смогу ли я подменить её завтра на «кухне». Заказов на зелья – гора, а её племянник уезжает учиться в Питер, и надобно проводить. Дня на три. Я отказалась, сославшись на гадальный салон и Томку. А Римме, заведующей архивными делами, рассказала про Надю и «кухню». Занята, да. Очень. Ещё же моя нечисть с гаданиями.

А когда я вышла, вернее выпала, едва наступая на пятки, из автобуса, снова позвонила Томка и предупредила, что Верховная крайне недовольна моим враньём и эгоистичным поведением, и неприятному разговору быть. Я пожалала пле-

чами и пошла к киоску за шоколадкой. Подумаешь... Первый раз, что ли.

На улице давно стемнело, и «свечи» домов лучились многочисленными огоньками. Три улицы шестнадцатиэтажек, тенистые аллеи и тишина после десяти часов вечера. Яркие детские площадки, единственный крошечный сквер с фонтаном, пара магазинчиков и торговый центр. Я жила на краю города в спальном районе с единственной автобусной остановкой, и до дома мне топать минут пятнадцать. Я везучая, да. У нас с Томкой вечер определённо удался.

Я доковыляла до фонтана и села на бортик. Отдохнуть и подышать. Не могу долго находиться в помещениях, задыхаюсь... Народу не было, и я разулась, опустив ноги в прохладную воду. Красота... Тихо, спокойно, лишь шепчутся с ветром листья рябины... Фонтан работал слабо – тонкая струйка едва поднималась над тёмной водой, но её журчание расслабляло, и я почувствовала себя почти счастливой.

Почти. Ложку дегтя никто не отменял.

Едва меня накрыло расслабленностью, как резко похолодало. Сильный порыв ветра едва не столкнул с бортика, а вода стала обжигающе ледяной, как в горной реке. Я живо подняла ноги и замерла. В воде появилось... отражение. Невысокий округлый портал входа, зияющий пустотой, провалившиеся ступени, потрескавшийся медальон на треугольной крыше, крылья колоннад, по шесть колонн в каждой...

Подобрав под себя ноги, я с интересом всматривалась в

зыбкое, подёрнутое рябью отражение. Похоже на старинный некрополь... Видения меня посещали редко, но метко. Наверно, не помешает помочь Римме с разбором архива, совмещаая необходимое для себя с полезным для общества...

Отражение дрогнуло и растаяло. Испарилось. Вода булькнула, и от неё повалил пар. Я спрыгнула с бортика и обошла фонтан по кругу, но тщетно. Пар вытек из чаши и туманом уполз в кусты, а по воде поплыли кораблики жёлтых листьев. Шустро он... Символ-то на медальоне толком не рассмотрела. И пахнет... странно. Не канализацией, но чем-то близким.

Я проверила кусты, но заметила лишь холодную морось на ветках и траве. Покрутившись у фонтана, но ничего больше не дождавшись, я подобрала обувь, оправила пальто и бо-сиком пошла прочь. Что мне, ведьме, человеческие простуды... Однако явление необычное. Видения никогда не оставляют следов.

К дому я брела в раздумье. Ветер тихо шуршал в осиновых ветвях, мерцали оранжевые фонари, и по дорожке расползались костлявые тени. Ступни покалывали мелкие камушки, и я свернула на кромку, к скоплению опавшей листвы. Видение не отпускало. Я перебрала всё, что знала, но зря. Ни о чём подобном никогда не слышала. Маловато знаю для ведьмы, конечно, – пока мои сверстницы практиковались, я хипповала по округе, не желая оседать на одном месте... Но всё-таки. Видения я изучала плотно. И это... странное. И

интригующее.

Поднявшись по лестнице, я достала ключи, открыла домофонным брелоком дверь и вошла в тёмный подъезд. Нажала на кнопку лифта и терпеливо прислонилась плечом к стене. Я обитала на последнем этаже, в «скворечнике», в двушке, которую родители подарили на окончание ведьмовской учебы. В надежде, что я осяду, возьмусь за ум и займусь делом. Но не сложилось. Я сбежала при первом же (не)удобном случае и автостопила, подрабатывая гаданиями (да, и с тех пор их ненавижу). Возвращалась по праздникам и снова удирала из города куда глаза глядят...

Лифт приехал, и я вошла в кабину, нажав на кнопку шестнадцатого этажа.

...а за ум заставил взяться случай. Как раз в одно из моих возвращений, под Рождество, маме через Круг поступил срочный сигнал о несанкционированной волшбе. Мама взяла меня в охапку – и разбираться. Мы едва не опоздали. Нечисть, вызванная одной доморощенной ведьмой, уже собиралась отужинать бесчувственной «хозяйкой».

«Пришельца» мама уняла быстро, а во мне неожиданно проснулись Совесть и Ответственность. Я вдруг поняла, сколько людей страдает от лап потустороннего (и не всегда по глупости), что многих смогу спасти, если перестану валять дурака... У всех ведьм есть движущие силы, толкающие в Круг. У кого-то – Терпение и Сочувствие, у кого-то – Доброта и Отречение. Объявились и мои, несказанно удивив со-

бой всех, включая меня.

– Чего угодно ждала, – изрекла тогда Верховная задумчиво. – Ладно совесть, но ответственность...

С тех пор я сижу на попе ровно и работаю с нечистью. Тоскую и нервничаю, когда осенью или весной слышу крики перелётных птиц, и чёрные клинья вспарывают закатные небеса, покидая или возвращаясь... Но крупную нечисть без подпитки Круга не унять, а его сила не выходит за пределы подконтрольной Верховной области. И уж коли выбрала...

Я вышла из лифта, повернула к своей квартире и прислушалась. Из-за двери донеслась возня. Я улыбнулась. Ждут. Открыла дверь и перешагнула через порог, прищурившись на вспыхнувший свет.

– Привет, Кирюш.

Скелет кособоко поклонился, протянул руки за пальто и радостно уронил пластмассовую челюсть.

Это чудо досталось мне после школьной охоты за мелким и безобидным духом нечисти. Оный тусовался в кабинете биологии и ухитрился срастись с наглядным пособием. Скелет пришлось конфисковать, и с тех пор он обосновался в моей прихожей. Дух являлся подселённым и подлежал развоплощению, то бишь смерти, но я, пользуясь некоторыми семейными связями, всегда старалась помочь тому, кого ощущала стопроцентно безопасным. Конечно же, под свою Ответственность.

Заполучив пальто и сумку, Кирюша аккуратно надел пер-

вое и перекинул через плечо второе. И замер у зеркала. Подозрительно смирный. Наверняка начудил.

– Жор, я дома!

Небольшая прихожая, напротив – гостиная, рядом с ней – коридор в спальню, ванную и прочие санузлы, а справа от входа – кухня. Без двери, которую давным-давно, изучая жилплощадь, снёс Кириуша. В большом коридорном зеркале отражались кухонный стол и табуретка.

– А то ж не чую, – в гостиной зашелестела газета, – не глухой поди!

Я поставила обувь на пол, отнесла пирожки на кухню и устремилась в ванную. Ноги в тепло, и будет мне счастье... Жорик нарисовался на пороге, едва я сняла колготки и села на край ванной, включив воду.

– Уль, вести последние не слыхала, нэ? – он оперся о дверной косяк и махнул газетой.

– И не хочу слышать, – я заткнула слив пробкой и блаженно зажмурилась. – Я после гаданий, «шпилек» и лунатиков. И очень злая.

– И зря, – осудил он, – не зная... Як по-русски? – броду?..

– Не из той оперы.

Всё, я в нирване...

– Трэба, Уля! Надо знаты, що в свыти робытсья.

– Вот поди за любопытство тебя и придумили, – я закрыла кран. – Полезу, куда не надо, – кончу хуже тебя.

– Нокаут, – призрак картинно вздохнул. – Чаю?

– Буду благодарна. И захвати блокнот с ручкой.

Жорика я встретила в немецком замке. Дух шарахался по подвалам, умирая от тоски и пугая туристов, и нарвался на троицу бесстрашных русских. Наши brave ребята приняли его за ряженого и с улюлюканьем гоняли по катакомбам, пока не засняли во всех ракурсах. С удавкой на шее и колом в сердце. Хозяин же замка, увидев фотки, побледнел и помчался искать ведьму. А тут я, мимо проходила. Гадала туристам, как обычно. И не смогла отказать испуганному замковладельцу. За сто евро кто ж откажется? Но развоплощающее заклятье духа только обидело. Он недовольно заматерился по-русски, и я сообразила, что столкнулась с духом колдуна. Иначе бы прибила. Да и призраком Жорик оказался материальным и видимым.

– Я-а-а – ка-а-ароль Георг! – заявил он возмущённо. – Я-а-а есть... жив!

По-русски Жорик изъяснялся преимущественно матами, а я не знала ни одного иностранного языка – почему-то мой мозг с детства отказывался запоминать всё неродное. Так, на пальцах, объяснила, что сто евро мне очень-очень надо. Взамен убивать больше не буду. Жорик также на пальцах показал – дескать, возьми с собой, тут скучно. На том и порешили. На глазах у хозяина замка я «развоплотила» вредное привидение, заодно перерезав Жорикову привязку к месту смерти. И все довольны, и все счастливы.

– Прошу.

И мне на колени водрузили поднос. Чашка чая, пиалка с медом, печенюшки и блокнот с ручкой.

– Спасибо, Жор.

Никакой он, разумеется, не король. Скорее, ушлый дворецкий или управляющий. Больно аккуратен, внимателен, услужлив и учтив. И непомерно любопытен. И умён. Русский язык освоил за полгода, попутно зацепив перманентный украинский акцент и лексикон. Я подозревала, что от собственной родни, но дух в этом не сознавался. Как и в колдовстве и возможном вампиризме. Лишь кол теребил да глаза опускал. Но лишь остаточная магия даёт призраку такой эффект... присутствия. Почти живого.

– Цэ що ж, а? – Жорик тоже присел на край ванной.

– А вот, – я закончила рисовать видение, – сегодня вечером в воде увидела по дороге домой.

Дух задумчиво разгладил седые бакенбарды:

– Що бачиш – все твое, и для тэбэ...

– Некрополь? – я передала ему блокнот и взяла печенюшку.

– Храм ще такой можэ буты. Старый-старый.

– Жор, – я неодобрительно поморщилась, – ты столько читаешь, что по-русски давно говоришь лучше меня. Не надоело придуриваться?

– Я есть иностранец! – открестился он напыщенно. – В чужой страна и с чужим...

– ...языка?

Призрак ухмыльнулся:

– Спать иди, ведьма. Утро вечера... мудрёнее.

Однако да.

И, как показало утро, насчёт «мудрёнее» Жорик не ошибся. Он, зараза, имеет феноменальное чутьё на неприятности. И порой как ляпнет...

Глава 2

Плакат у входа был ехиден и вызывающ:

«Приветствуем участников традиционного съезда феминисток, работающих в сферах геронтологии, косметологии, ботаники и межличностных отношений».

Это, конечно, было длинновато, но довольно хорошо передавало суть того, чем занимаются ведьмы.

Сергей Лукьяненко «Шестой Дозор»

Над ухом что-то надрывно щёлкало и жужжало. Щёлкало и жужжало. Снова щёлкало. И опять жужжало. Я усердно прятала голову под подушкой, но вредные звуки лишь меняли диспозицию. И снова щёлка...

– Кирюш, сгинь!.. Я сплю!

Конечно же, кости скелета...

– Отстань! И отключи сотовый! Меня нет! И ещё нескоро будет!..

Зря не выключила вечером...

Кирюша покружил у постели, нашёл щель между одеялом и матрасом и ловко впихнул туда сотовый. И радостно клацнул челюстью. Я со вздохом села и уныло посмотрела на незнакомый номер. И на часы. Твою ж мать, шесть утра... И пять пропущенных вызовов с одного и того же номера. Сотовый заткнулся, помолчал секунду и разразился очередной

жужжащей трелью. Какая настойчивость... Или что-то важное, или... страшное. В шесть утра по другим причинам не звонят.

– Алё?.. – я зевнула.

– Ульяна? Ты спишь?

– Уже нет, – я снова зевнула и протёрла глаза.

Голос подозрительно знакомый... Где же мы с его обладательницей пересекались?..

– Это Алла, мы пять лет назад познакомились на Ночи ведьм, помнишь?

А. Ну да. Невысокая полноватая шатенка с потрясающим чувством юмора. Она так уморительно изображала напыщенных старших ведьм, что я хохотала весь вечер. Где он сейчас, этот юмор?.. В надтреснутом голосе – лишь взволнованное беспокойство. И страх.

– Помню. Привет. Что стряслось?

– Нужна помощь для... – она запнулась и тихо попросила: – Приезжай на вокзал. Я через два часа буду в городе. Надо... поговорить.

Чёрт. Мне же до вокзала больше часа добираться... И опять эти проклятые «левые» дела... для выполнения которых, между прочим, есть специально обученные люди. И я в их число не вхожу.

– Я подожду, у меня обратный билет на вечер, – тем временем тараторила Алла. – Собирайся спокойно и...

– А сейчас не можешь сказать, в чём дело? – я сползла с

постели.

– Тоннель скоро, не успею. Приедешь?

– Приеду. Номер поезда и вагона?..

– Отправила в сообщении.

– Тогда до встречи.

Я отключилась и уныло посмотрела на Кирышу. Тот стоял довольный, только что не пританцовывал.

– Жор, будь другом, вызови такси! Скажи, на железнодорожный вокзал надо!

– Слушаюсь, моя госпожа.

– А где же «...и повинуюсь», мой джинн?

– Утро доброе. Машину на ближайшее, будьте любезны...

Так, зубная щётка, полотенце, ледяная вода, линзы...

– Уль, а метла шо?.. – напомнил из коридора Жорик.

– Лётные права же на полгода отобрали, забыл? Ещё две недели пешком, – я быстро одевалась. Джинсы, водолазка, куртка, кроссы...

– Из-за фокусника, якого ты из окна... тудыть? С десятого этажа... полетать?

– Угу, – я открыла шкатулку с амулетами. Предчувствиям надо доверять. – Жор, не зли меня с утра, говори нормально.

– А отобрали-то почему? – дух просочился в комнату и ткнул пальцем в пару тонких колец, подсказывая. – Потому шо дело до конца не довела и живым оставила или уроком на будущее?.. О, вот и такси.

– Из любви к искусству.

Верховная часто прощала ошибки и просчёты, но вот за мелкие... шалости карала безбожно. «Чтобы силу почему зря не транжирили, идиотки малолетние!», цитирую. Кстати, если бы убила – прав бы не лишилась. Сила-то не зря потрачена. Но убийство человека – это статья, а уж убийство наблюдателя... В общем, легко отделалась.

Я выскочила из квартиры, на ходу дожёвывая вчерашний пирожок. Сбежала вниз по лестнице, чтобы проснуться. И на выходе из подъезда сообразила. Почему Алла заранее не предупредила, что приедет? Зачем ставить перед фактом? Что-то везёт, от чего необходимо избавиться, или?.. И этих «или» может быть сколько угодно. И все такие... чтобы получилось наверняка. И ведь добыла же где-то мой номер телефона. Кто сдал?..

Таксист смачно зевал каждую минуту и, вырулив на проспект, спросил насчёт бодрой музыки. А я, да, не против. Я перебирала смс-сообщения и искала среди спама номер поезда. В салоне радостно грянуло рамштайновское «Мутер!...». Таксист опустил стекло и закурил. Я нервно поёрзала. Лет пять как бросила курить, но стоит только нагреть неожиданности... По тёмным улицам брели редкие прохожие, мимо нас с рёвом проносились машины.

– А можно побыстрее?

– Штраф сама платить будешь, – невозмутимо отозвался таксист и газанул.

Вокзал, в отличие от меня, давно проснулся. Из летних

кафешек пахло шашлыком и самсой. По привокзальной площади гремели тележками приезжающие и уезжающие. Толпа «бомбил» перебегала от одного путешественника к другому и хором интересовалась: «Вас куда?..» Когда добрались до меня, я честно ответила, что надо «к пятьдесят третьему поезду, второму вагону». Желаящих подвезти не нашлось. А жаль.

Пройдя фейс-контроль на входе в здание вокзала, я зависла перед табло, соображая, что к чему. Так, поезд придёт через пять минут, путь первый, а основное правило ведьм гласит – всегда и везде помогай своим. Бескорыстно и безотлагательно. Точка. Я поправила сумку и уныло потопала встречать поезд. Третью неделю не могу выспаться, а всё из-за осенних обострений у некоторых... личностей. Скорей бы зима...

На перроне объявили про нумерацию с головы состава, и я поспешила за гудящим поездом. В душе трепыхнулась тоска по дальним дорогам. Запахи шашлыка и креозота, грохот чемоданов и возбуждённый гомон провожающих, намарафеченные девицы в спортивных костюмах, молодые ребята в форме и бабульки с кульками огурцов и варёных яиц... Пять лет на одном месте. Ужас. Я остановилась напротив второго вагона. От вокзальных запахов – и запаха странствий – срывало крышу. Но...

Алла вышла из вагона последней. Волосы, собранные в пучок, длинная клетчатая юбка, чёрный пиджак, объёмный

«ридикюль» на плече. Спустилась по железным ступенькам и подала руку девочке. Крысиный хвостик светлой косы, джинсы, красная ветровка, тощий цветастый рюкзачок. И огромные глазищи, серые... странные. Словно туманной дымкой подёрнутые. И я наконец поняла, зачем меня выволокли из постели в такую рань. Обратный билет на вечер, значит...

– Привет, – Алла нервно улыбнулась. – Прости за беспокойство и... Это Зоя, моя крестница. Зоя, это Ульяна, ведьма Круга.

Я с интересом посмотрела на девчонку, а она – на свои кроссовки. И буркнула под нос что-то приветственное, когда Алла ненароком сжала её плечо, ссутулилась.

– Так, все за мной. Хочу кофе, – решила я.

Вернее, кофе с коньяком. Такого, где в коньяк добавляют пару капель кофейного ликёра. Но никто же не нальёт. Да и не действует на ведьм человеческий алкоголь.

В кафешке было тихо и безлюдно. Мы сели за столик в углу, и сонная официантка принесла меню. Алла удалилась в уборную, а мы с Зойкой минут пять играли в гляделки и молчанку. Однозначно ведьма. И лет должно быть... одиннадцать-двенадцать. Мелкая, но взгляд внимательный, умный.

Официантка принесла кофе, два чая и тарелку пирожных. Алла нервно взялась за «картошку», а девочка нехотя заковырялась в «корзинке». А я пила ужасный растворимый кофе и вспоминала. Где-то я уже видела похожие глаза... Где-

то у кого-то и когда-то. Зрительная память у меня неплохая, за исключением одного «но»: деталь запомню, а сопутствующие время, место или человека – не всегда. Или давно дело было... или очень давно.

– Алла, не томи. Говори, зачем приехали.

– Зойке скоро тринадцать, через месяц, – она глянула искоса. – Ульянов, покажи её Верховной.

Что такое «скоро тринадцать», я помнила прекрасно. Игрый, гормон, и кто не спрятался – я не виноват. Внутренняя сила то ищет выход так, что крышу сносит, то замирает на несколько недель, что ещё страшнее. А потом – тринадцатый день рождения, выбор сферы силы, подключение к стихии, постепенное высвобождение накопленного и долгожданное равновесие. Но до того как...

– Ритуал выбора может провести любая ведьма, – я поставила на стол пустую кружку. – Зачем тебе Верховная? Ты в курсе, сколько у неё дел? И сколько таких же девочек и их... опекунш жаждет попасть именно к Верховной? У неё нет времени на всех, она одна на целый округ.

– Знаю, – Алла кивнула, продолжая сверлить меня упрямым взглядом. – Но Зойка... необычный ребёнок. А ты...

Начинается...

– ...ты – внучка Верховной. Тебе проще.

– Вообще-то внучатая племянница, – я скривилась. – Она – троюродная бабушка маминой двоюродной тетки. Седьмая вода на киселе.

Но мы с мамой – её единственные живые кровные родственники с ведьмовской силой. И нас родство с Верховной ужасно тяготило. Мы, конечно, старались его не афишировать, но шила в мешке не утаишь.

– Тебе проще, – повторила Алла.

– У нас отвратительные отношения.

Она посмотрела с упрёком и снова взялась за «картошку». Я заказала вторую чашку кофе и уставилась на Зойку. Необычная? Да мы все необычные. За последние восемьдесят лет в нашем округе не родилось ни одной нормальной ведьмы, только... необычные. Как мрачно шутила Томка, мы – люди X колдовского мира и являем собой новый виток магической эволюции. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

– А тебе сколько лет?

На вид – слегка за тридцать, но раз нет видимых признаков...

– Восемьдесят два.

Повезло. Значит, «необычность» может и напугать. Хотя нас растили и учили, как обычно, по старым методикам и принципам.

Девочка тем временем забросила «корзинку» и, сопя, поглядывала на дверь с очевидным желанием удрать, но не решалась. Я присмотрелась к ней и привычно втянула носом воздух. И что ж в тебе такого... О. Стена. Всё прошлое перекрыто. Я прищурилась. Зойка покраснела. Я повторила по-

пытку, но вместо привычных образов из прошлого – зыбкая стена густого тумана.

– Сама ставила или кто помог? – я наклонилась к девочке через стол.

– Что «ставила»? – удивилась Алла. – Ты о чём, Ульянов?

Я проигнорировала Аллин вопрос, а Зойка – мой. И с такой тоской посмотрела на входную дверь...

– Родители есть?

– Отца никто никогда не видел, – Алла обняла крестницу за плечи. – Мать – ведьма, но слабенькая, из потухшего рода. Быстро утратила силу и спилась. Пять лет назад пропала без вести. Мы – дальние родственники, и я оформила опеку. Больше у неё никого нет.

Зойка повернулась и неожиданно заявила:

– Нет, у меня тётя есть! Родная! – голосок тонкий, звонкий, музыкальный. – Она ко мне приходит и всё рассказывает! И я её найду!

Я вопросительно посмотрела на Аллу, а та пожала плечами и негромко ответила:

– Нет у неё никого. Грустно одной, вот и выдумывает. У её матери была сводная сестра, но о ней уже лет сорок никто ничего не слышал. Наверно, тоже «потухла» да сгинула где-то.

– Не выдумываю! Тётя жива! Они просто с мамой сильно поругались! Но она меня всё равно нашла! И когда я сплю, она...

– Зоя! Хватит!

Девочка резко отвернулась, Алла виновато улыбнулась, а я задумчиво прищурилась на Зойку. В чём-то её рассказ наверняка правдив. Туманная стена же откуда-то взялась. И обязательно надо вспомнить, у кого я видела похожие глаза. Может, и тётю таинственную найду.

Я посмотрела на часы. Однако время. Почти десять утра и пора разбежаться. Дел невпроворот. И балласт. На пару дней, надеюсь. С детьми я ладила... не очень, с нечистой – лучше. Но мама с высоты своего опыта замечала, что между ведьмами до тринадцати и нечистой невелика разница. Значит, договоримся.

– Хорошо, свяжусь с Верховной.

...и она будет в восторге оттого, что ей опять мешают работать.

– Спасибо, – Алла улыбнулась с очевидным облегчением. – Если и от меня что-то понадобится... Жизнь же непредсказуема.

– Что верно, то верно. Прощайтесь, – я встала и пошла к кассе.

Да, надеюсь, не больше чем на пару дней... А если тётя Фиса решит, что девочке лучше остаться среди нас, в Кругу, то пусть сама с ней возится. И договаривается об этом с Аллой. Но до тех пор... Я представила реакцию Жорика, которого придётся попросить с любимого дивана: визг, писк и объявление голодовки. Ничего, перекантуется пару дней

на кухне. Или пойдёт в разведку. Давно из дома не выходил, лентяй.

Прощание было коротким. Алла, присев, поправляла на Зойке то куртку, то рюкзак, и что-то тихо-тихо говорила. А та молчала и смотрела почему-то на меня. Беспokoйный взгляд, настороженный. Укусит – не укусит... поверит – не поверит? Вот бы стеночку-то приподнять...

– ...буду звонить, ладно? И не бойся, я же сто раз говорила, что ведьмы своих не бросают. Тебе обязательно помогут. А после ритуала выбора сама решишь, домой вернёшься учиться или здесь останешься, – чмок в щечку: – Уже ску-чаю...

Зато девочка расставанием не расстроена нисколько. Не всё у них гладко в отношениях-то...

Наконец Алла встала, натянуто улыбнулась и вышла из кафе. А мы с Зойкой нерешительно посмотрели друг на друга. Ситуация, да. Ребёнок после ночи в поезде, в огромном городе, наедине с малознакомой и явно подозрительной тёткой. А малознакомая и явно подозрительная тётка уже третью неделю спит по четыре часа и плохо соображает, что делать дальше. Ах, да, Верховной позвонить надобно...

– Пойдём? – я протянула руку, а Зойка посмотрела на меня эдак... выразительно и свысока.

Разумеется, мы же взрослые, чтоб за ручку-то ходить...

– Вокзал – место шумное, людное и небезопасное, а город – огромный и незнакомый, – сообщила я дружелюбно.

Она кивнула, соглашаясь, и на выходе из кафе взяла меня за руку. Ладонка – влажная, холодная, а пульс бешеный.

– Да ладно, не такая уж я страшная.

– Вы тоже мне не верите, – спокойно, констатируя привычное.

Я решила пройти пару остановок пешком. Чем ехать с пересадками, лучше прогуляться до прямой маршрутки. Да и погода чудная: синее небо, яркое солнце, терпкий ветер. Ускользящее тепло сибирского сентября.

– Почему же, верю, – я остановилась на перекрестке на сигнал светофора. – Такую стену ребёнку не поставить, а значит, кто-то тебе помог. До тринадцатилетия и выбора сферы мы ничего создать не можем. Знаешь же?

Молчит.

– И не выкай. «Ты» и по имени. Не такая уж я старая.

– А сколько вам... тебе лет? – смотрит застенчиво.

– А вот... – я таинственно улыбнулась.

У ведьм Круга нет понятия возраста. Мы не праздновали дни рождения и не знали, сколько лет коллегам. И никакой возрастной дискриминации. В Кругу ты просто ведьма. И, как говорила мама, глядя в зеркало, мы пожизненно двадцатипятилетние. А возраст души и силы никого не интересовал.

По пути я купила Жорику свежие газеты и журналы с кроссвордами. К технике дух относился с предубеждением, заявляя: «Картинки врут!», а вот читать любил. В маршрутке

Зойка сразу же уснула, а я всю дорогу пыталась дозвониться до тёти Фисы, но абонент был недоступен. И по приезде, влопча сонную девочку на буксире, я с пятой попытки, через ужасные помехи в связи, прорвалась к Томке. Она – правая рука Верховной как-никак.

– Том, привет. Не знаешь, где тётя? За городом? – я удивилась. – По какому делу? Не знаешь? Сейчас к ней летишь? – удивилась ещё больше. Обычно Томка знала всё. – Ладно, расскажешь... Передай, что у меня к ней срочное дело. Да, очень срочное. Потом объясню. Ага, пока.

«Дело» чутко наострило уши, по-прежнему изображая сонную муху. Бедное создание.

Дома всё прошло на удивление гладко. Кирюша на радостях привычно уронил челюсть и, кланяясь и приседая, едва не рассыпался на запчасти. Жорик, смущённо теребя полу старой сорочки, попенял мне, что не предупредила о гостях, и повёл Зойку показывать «свои» хоромы. На наивно-сочувствующий вопрос: «За что тебя так?..» он лишь поправил удавку-«галстук», покраснел и охотно уступил «свой» диван. Девочка, ни разу не испугавшись домашней нежити, оттаяла и заулыбалась. Будто нежить и нечисть ей ближе людей. И в этом я её понимаю.

– А почему «Кирюша»?

– В школе так назвали. Руки мой. За обедом расскажу.

Борщ ещё «жив», котлеты вроде тоже...

Томка не звонила, тётя не объявлялась. Зойка клевала но-

сом, и я вместе с ней. И после обеда поняла, что никуда не пойду. Вернее, пойду, но не «куда-то», по архивным или гадальным делам, а в постель. По прямой – до подушки, и гори всё синим пламенем. Иначе вечером от меня толку будет ноль.

– Уль, она странная, – увязался за мной Жорик.

– Да мы все не без греха, – я расправила одеяло.

– Ни, нэ розумиеш, – дух тактично отвернулся, пока я переодевалась в пижаму. – Она... не просто странная. Она и тебя постраньше.

– Чудно, – я закуталась в одеяло. – Разбуди меня часа в четыре, ладно? Нет, в пять... Короче, к шести я должна быть на ногах. В восемь у меня встреча.

– Добре, – кивнул Жорик и снова взялся за своё: – Ни, Уль, ну нутром же чую...

...кажется, он так и гундел, сидя на краешке постели, пока я спала...

– ...а ещё шо – она сидит и повторяет: «Сбегу, сбегу! Как только ночь...»

Я зевнула.

– О, а уже пять, – спохватился он.

Моргнула и не заметила... Я сладко потянулась, просыпаясь.

– Ничего не поняла, да? – упрекнул призрак.

– Разберусь, не маленькая, – отмахнулась я беззаботно.

Ни Верховная, ни Томка признаков жизни не подавали.

Я умылась, выгнала Жорика на кухню чай греть, оделась и осторожно заглянула в гостиную. Зойка тоже проснулась, причём давно. На стеллаже передвинуты книги и безделушки, из ящика комода выглядывает маленький розовый носок, на ковре – пульт от телевизора и горка колечек для плетения. Зойка же сидела на одеяле, обняв колени, и смотрела перед собой. Ну, раз рюкзак разобрала – не драпанёт на поиски тёти. А может, глаза отводит.

Я кашлянула. Она глянула на меня искоса и завернулась в одеяло.

– Мне по делам надо...

Ответственность немедля завопила: «Не смей подвергать ребёнка опасности!», а Совесть – «Не смей бросать одну!». Я в таких случаях всегда прислушивалась ко второму ощущению. Будь первое единственно верным, второе бы не появилось.

– ...хочешь со мной?

Зойка недоверчиво подняла светлые брови. Я ободряюще улыбнулась:

– Ну? Считаю до пяти. Нет – останешься дома, да – познакомишься с новой нечистой.

Её с постели как ветром сдуло. Живо полезла в комод за одеждой, сверкая жёлтыми труселями.

– Но сначала – ужин. И в душ сходить не забудь. С поезда всё-таки.

...а ещё я не успела ничего убрать. У меня ж и в спальне,

и на верхних полках стеллажа – амулетов и зелий горы, и не дай бог, доберётся...

– Жор?

– Ау?

– Как только мы уйдём, собери в гостиной всё колдовское – и под мою кровать, – попросила шёпотом, быстро делая бутерброды.

– Понял. А ведёшь зря.

– Может, и зря, – согласилась я, вытирая стол. – Но одну дома оставлять не хочу.

– Что значит «одну»? – обиделся призрак. – А я? А Кирюша? А мы?..

– Жор, всё, решено. На тебе – амулеты. Договорились?

Он надулся, но кивнул. Зойка примчалась одетая, с курткой под мышкой, и села за стол. Глазищи так и сверкают. Да, у всех есть слабые места.

– А что за нечисть? А как ты с ней работаешь?

– Всякая нечисть, – я налила ей чаю. – В городе живёт порядка пяти тысяч... личностей различных... национальностей. Капля в море. В двухмиллионном городе им легче затеряться и наладить быт, чем в деревушке, где всё про всех знают. Те, кто имеет полноценный человеческий облик, живут большими семьями или общинами. А кому легче в родном облике... где придётся.

Я зажевала бутерброд, беспокойно посматривая на сотовый. Не нравится мне Томкино молчание...

– А ты?..

– А я бдую. Обхожу, смотрю, чтобы не было стрессовых признаков. Если нечисть долго не использует силу... то сходит с ума. Люди не замечают, а мы видим. Глаза сияют ярче, клыки прорезаются, родовые знаки и символы на коже проступают. Если нечисть самостоятельно не справляется с приступом, едем вместе за город и выпускаем пар. Дня-другого в привычном облике и свободной среде хватает, чтобы год жить спокойно.

– И всем в городе жить можно?

– Нет, конечно. Каждого перед заселением проверяем, вручаем свод законов и советуем жить с людьми дружно. За новичками слежка каждый день. Если больше года без происшествий, то выдаем патент, договариваемся об условиях сопровождения и... Раз в месяц своих я обязательно обхожу. Проверяю, чтобы не было конфликтов с людьми, чтобы не было делёжки *территории* между разными расами. И признаков усталости, конечно. И беспризорников беспатентных ищу и выслеживаю.

– А... убивать приходится? – Зойка отложила бутерброд.

– Редко, – я допила чай и встала помыть посуду. – Обычно пришлые быстро идут на контакт и на всё согласны, лишь бы им дали спокойно жить и детей рожать. Пока на моей совести – пара тёмных духов...

Кирюша недовольно бряцнул костями.

– ...изгнанных из города. Да пара призраков...

– Брешет, – авторитетно сообщил Жорик из любимого кресла и зашуршал газетой.

– ...пристроенных к месту и делу – в Барских развалинах достопримечательностями подрабатывать и туристов развлекать. С любым можно договориться, если сходишься в цене, – подытожила я, выключая воду и вытирая руки. – На выход?

Зойка помчалась к двери вперёд меня. Интересное создание...

– Алла про Круг рассказывала? – я влезла в кроссовки, надела куртку и глянулась в зеркало. Двухдневный зомби и то краше...

– Да, и много, – девочка быстро обувалась. – Говорила, что вы и с людьми работаете, и с нечистой. И что это интересно.

От воспоминаний про «работу с людьми» меня передёрнуло. Благо это не по моей части... Я с обычными людьми ладить не умею. Другие ведьмы на правах «экстрасенсов» с ними возятся, поддерживая «круговое» финансовое благополучие, притворяются... но не я. Не умею притворяться и скрывать истинную силу. Я помогаю людям иначе.

...одна из наших сказок гласила, что нечисть появилась от ведьм – сущностью, тёмным осколком не то души, не то силы. Но поначалу на неё не обращали внимания. Пока одна нечисть не вырезала под корень человеческую деревню. И тогда впервые собрался Круг, чтобы сделать важный выбор – защищать мир людей. Спасать от порождений собственной

силы (или души). Желаящие объединили знания, принесли клятву и обзавелись общим знаком принадлежности к Кругу, и по сей день мы соблюдаем заветы стародавних. Кто-то – ибо Совесть и Ответственность, кто-то – ибо Круг вырастил, и нет иной семьи, кто-то – ибо стадный инстинкт «все побежали, и я побежал», а кто-то – ибо древние знания, доступ к которым открывают лишь клятва плюс знак.

Одно время люди ещё помнили о нас – когда нечисть была шибко буйной, но проходило время, подписывались договоры, и она успокаивалась. Или уничтожалась. А люди стали забывать. Технический прогресс, войны, революции и прочая политика стали важнее старых чудес. И ведьм это устривало. Нам на ту же, например, политику работать не хотелось совершенно. Других проблем хватало.

– И Алла говорила, что меня обязательно будет учить Верховная, – добавила Зойка, вмешиваясь в мои мысли.

Я неопределённо хмыкнула и посмотрела на свою случайную подопечную:

– Не боишься? Что ничего не выйдет?

Неожиданно взрослый и серьёзный взгляд:

– А это что-то изменит?

– Вряд ли, – я взяла ключи и решила сказать правду: – Но всё может быть. Может, в тебе нет ничего особенного. Может, сила так и не найдёт выход. Может, поток магии окажется слабым, и никто не возьмётся за твоё обучение. И ты вернёшься домой, в родной городок, ни с чем.

Зойка помолчала, сосредоточенно застёгивая куртку, и вздохнула:

– Я только тётю найти хочу.

Ох уж эти глаза... напротив.

– Удирать не вздумай. Всему своё время. Обещаешь?

Она зыркнула исподлобья и нехотя кивнула. Я сделала вид, что поверила.

– Жор, мы ненадолго. И открой пока окна, дома дышать нечем.

– А к кому пойдём? – и вновь, как только речь зашла о нечисти, Зойка загорелась и расцвела. – Далеко?

Крайности притягиваются. Удивительное рядом.

– Нет, минут десять пешком, – некстати запищал сотовый: – Алё?

Молчание. В трубку кто-то надрывно посопел, но чего-то застеснялся и отключился. И номер не определился. Томка, что ли, развлекается?.. Я втянула носом воздух, следуя за звонившим, и споткнулась на входе в лифт. «Паук»? Да ещё и мелкий, молодой да ранний. На прошлой неделе только их общину проверяла, и всё было в порядке. Неужели что-то случилось?

Мы вышли из лифта, и я зарылась в длинный список контактов. Так, Арчибальд Дормидонтович, не к ночи будьте помянуты и тьфу на вас с вашими шуточками... Имя, разумеется, вымышленное, а отчество – для поржать. Но данная... нация к смеху не располагала: мозги заплетала так, что и лю-

ди, и ведьмы себя теряли, попадаясь в сладкоречивые сети.

Зойка выпорхнула из подъезда и нетерпеливо обернулась.

– погоди, вперёд не лезь. Один звонок, – я остановилась на лестнице.

Ночь растекалась по двору чернильными кляксами, тени стелились под ноги дырявыми и плетёными поло... Стоп. Кольца вспыхнули, и пальцы обожгло мимолётной болью.

Кажется, вечер перестаёт быть томным...

Я ухватила девочку за шиворот, затаскивая на ступеньки. Одно кольцо расплзлось густой паутиной, указывая на врага, второе покрылось ледяной коркой, подсказывая, как одолеть. Жорик, моё ты счастье...

Тени на дороге зашевелились, вздуваясь бугристыми нитями. Зойка стояла столбом и зачарованно изучала магию нечисти. Я присела на корточки и быстро ощупала её штаны и кроссовки. Нет, не вляпалась...

– Ни шагу, – шепнула сипло.

Тени, напитываясь силой ночи, уже дрожали над дорогой. Узловатые нити свивались паутиной и затягивали пространство рыбацкой сетью. Приди мы на минуту позже – угодили бы в западню на раз... да телефонного звонка мало, чтобы отвлечь меня и задержать. Спалились, конспираторы недоделанные. Один – на скамейке у соседнего подъезда, второй – за углом дома. Осязание указывало и на третьего, который плёл ловушку, но он слишком далеко – удирал из города со скоростью сто пятьдесят километров в час.

– Но ты ведь обещала познакомить...

– Эти не знакомиться пришли. Жить хочешь? Домой.

Только тихо.

Я успокоилась лишь тогда, когда почувствовала, что она под защитой квартиры. Паутина к тому времени полностью перекрыла выход из подъезда. Открытый мешок: край – за угол дома, край – за берёзу под окнами. Я стянула с левого плеча куртку и закатала рукав водолазки. Спасибо вам, Арчибальд Дормидонтович, за иммунитет, но если вы замешаны... я не виновата.

Среди многочисленных защитных татушек на предплечье быстро нашёлся красный паучок, и я, выдохнув и зажмурившись, «раздавила» насекомое. Капля яда в кровь – и руку свело судорогой, земля качнулась, перед внутренним взором вспыхнул фейерверк. Раз, два, три... Всё. В темноте они ни черта не видят и, как и любые пауки, не понимают, кто попадает в их сети. Только ощущают трепыхание жертвы. И вряд ли сети расставлены для меня. Одно нападение, одна провокация – и на тропу войны выйдет весь Круг. Мы за своих горой. Так зачем?..

Я спустилась с лестницы и шагнула напрямиком в паутину. Мир сразу крутанулся, смазываясь, и завонял горелой листвою. Сети свернулись коконом, «пауки» очутились рядом, и «мешок» затянуло, подбрасывая над землёй. Темнота, мгновение полёта, и кокон потёк с меня водяными струями. В лицо ударил прохладный свежий ветер. Россыпь звёзд над го-

ловой. Запахи леса. И...

– Ведьма!.. – разочарованное, испуганное и звучит как ругательство. – Без девчонки!

...и, надо же, магия перемещения... На ведьму или колдуна работают, однозначно.

– Предпочитаю, чтобы незнакомцы ко мне обращались «Ульяна Андреевна», – я села, повела плечами и размяла кисти рук. – А ну, стоять! Вы, трое!.. – и зарылась пальцами в высохшую траву.

Воздух сгустился и замерцал ледяными кристаллами. Самый шустрый врезался в морозную стену и сполз на землю, второй усердно тормозил, но нос всё равно расквасил, а третий замер на подлёте и обернулся. Господи, совсем мальчишка... Едва-едва третья пара глаз на щеках проклёвывается и тело недоформировано – кряжистый торс и длинные паучьи лапы. Наверняка даже человеком оборачиваться не может. А первый и второй – ещё младше: на открытых участках кожи тёмный пушок, ростом – не выше Зойки...

Кстати, о птичках. Кажется, у меня дома завелась ещё одна нечисть. Такая мелкая и безвредная, что пробралась сквозь защиту. И слушала, и сливала информацию. Значит, «сбегу, как только ночь...»? Значит, звонок – чтобы отвлечь.

– Говорил же тебе, идиот, звони и тяни время! – заорал третий на второго, подтверждая мою догадку.

– А давайте вы расскажете, в чём дело, и я вас отпущу, – внесла я конструктивное предложение. – Зачем вам девочка

и кто вас нанял?

Третий злобно сверкнул жёлтыми глазами и поднял голову. Я резко вскинула руку, и воздух над нашими головами сгустился и заледенел, захлопывая крышку холодной «банки». А в мой мозг настойчиво и ласково запросился тихий, убаюкивающий голосок бедного сиротинушки: отпусти, дескать, мы тут мимо проходили и вообще не при делах...

– А шиш, – я встала и отряхнула джинсы. Чёрт, сумку посеяла... – Ладно, не хотите по-хорошему...

Плохого они дожидаться не стали. Я едва успела накрыться воздушным пологом, как в него врезался тёмный клубок паутины. Прилипнув, он расплзся чёрной кляксой, закрывая видимость и кислотно шипя. Я выругалась и соорудила внутри второй полог. И третий – сверху, сооружая «гамбургер». И быстро стряхнула его на землю. Быстро, чтобы увидеть. И слишком медленно... чтобы успеть спасти.

«Пауки», припёртые к стенке, всегда убивают друг друга или кончают с собой, но не выдают чужих тайн.

Сердце кольнуло тупой болью. Три дымящиеся кислотные лужи – три личности, ещё жить да жить... Знаток нечисти, мать твою... Я осторожно обошла периметр и убрала морозные стены. Потёрла замёрзшие ладони и мрачно констатировала собственный провал. Ничего не узнала, пацанов не спасла и... И ко всему прочему застряла за городом. Без лётных прав, сумки, денег и сотового. На небольшой полянке посреди шуршащего осеннего леса, на холодном ветру и в

ста пятидесяти километрах от города как минимум.

Я внимательно обшарила поляну, но ничего интересного не нашла. Где третий машину-то оставил? Правда, толку от неё, если прав нет и водить не умею... Кислотные лужицы уже не дымили, и ветер заносил уродливые земляные впадины сухой листвой. Приходилось ли мне убивать?.. Похоже, в нашем отечестве завёлся ещё один... пророк.

Вздохнув, я застегнула куртку и потопала через лес к шоссе. Пять километров – и попутка. Если повезёт, то сразу. А дуракам, как гласит народная мудрость, везёт.

Глава 3

Основная проблема ведьм заключается в том, что они никогда не бегут от того, что по-настоящему ненавидят.

А основная проблема с загнанными в угол пушистыми зверушками состоит в том, что один из этих невинных зверьков на поверку может оказаться мангустом.

Терри Пратчетт «Ведьмы за границей»

Лифт пришёл быстро. Входная дверь открылась сразу, но сказать никто ничего не успел. Я злобно зыркнула на Жорика, и тот поперхнулся нотацией. Все три часа в дороге я честно старалась успокоиться, но подвозивший меня дедуля ехал так медленно... И так нудно излагал факты своей непримечательной и изначально мне известной биографии...

Сумка обнаружилась на привычном месте – на Кирюше. Молодцы, подобрали... Я достала сотовый и села на пуфик. Пальцы ломило, и левая рука чесалась жутко и очень некстати.

– Уля, не злись, – Жорик нервно поправил удавку и командовал: – Вдохнула – выдохнула – расслабилась! Погоди звонить! Лекарство наперёд!

– Убью, – я съёжилась и стиснула ладони коленями.

– Так уже ж. Иль нэ? – дух зазвенел на кухне склянками.

Я вспомнила дымящие лужицы и скривилась:

– Арчибальда убью.

– Без суда и следствия не имеешь права, – Жорик протянул рюмку с зелёной жижицей. Одурающе запахло мятой. – До дна.

– Твое здоровье, дружище.

Он ухмыльнулся:

– Шуткуешь, ведьма?

Зойка несмело выглядывала из гостиной. Я поставила рюмку на тумбочку и с минуту выбирала, что первое – попытать девчонку или наорать на Арчибальда. Выбралось второе. Знак, который я оставила на поляне, недолговечен, и надобно лужицы ещё раз изучить – тем, кто умеет работать с останками своих.

– Алё, Арчиба...

– А-а-а, Ульяна Андреевна! Вечер добрый! – перебил меня густой баритон. И замурлыкал, успокаивая и убаюкивая, затягивая разум в сонную дремоту: – Ульяна Андреевна, что ж вы беспокоитесь-то про нас? Вы не волнуйтесь, всё хорошо! Лишних никого нет, налоги ведьмам исправно заплачены и патенты в порядке, ребятки мои все на месте...

– Арчибальд Дормидонтович, хватит! – рявкнула я, и он послушно заткнулся. Я устало добавила: – Скажите, какого лешего трое ваших несовершеннолетних шатаются ночью по городу, нападают на ведьм, а после убивают друг друга, потому как во что-то вляпались, а признаваться не хотят?

– Где, когда, кто? – спросил он сухо.

Я вкратце рассказала, опустив Зойкино присутствие.

«Паук» помолчал и сообщил:

– Мои все по домам, а чужих мы с год не видели. Вы не ошиб...

– А амулеты с патентными метками у всех есть?

Минутная пауза, и деловитое:

– Перезвоню чуть позже.

Я положила сотовый на тумбочку и снова посмотрела на Зойку. И вспомнила. Разулась, скинула куртку на Кирюшины руки, вооружилась тапкой и побежала обшаривать квартиру. Либо у меня паранойя, либо... Паучок нашёлся на подоконнике в гостиной – плёл себе тихо паутинку, прячась за фикусом. Я отодвинула горшок и безжалостно прибила насекомое. На подошве осталась красная клякса. Я снова проверила хату, но ничего подозрительного не нашла. Вернулась в коридор, села на пуфик и посмотрела на Зойку. Та замерла у дверного косяка и не сводила с меня настороженного взора.

– Зоя, детка, – я фальшиво улыбнулась, – а ты ничего не хочешь рассказать? Почему за тобой охотятся? Откуда знают, что ты здесь? Кто ты, чёрт побери, такая?

Она помолчала, неловко теребя край майки, и посмотрела на меня с вызовом. Я бы села, если б не сидела. Серые радужки стали абсолютно белыми, без признака зрачков, а из уголков глаз потекли ручьи тумана.

– Ой, ёж твою ж маму, бляха муха! – испуганно заматерился Жорик. – Я ж сказав, шо она не то, за шо показывает-

ся!.. – перекрестился и зашептал: – То ж не людь, Уля, то ж бисово дитё, адово семя, демонское...

– Жора!.. – я поёжилась. В квартире враз стало сыро и мерзко.

– Ой, що будэ, матиньку мою... – он снова перекрестился и на дикой смеси русского, украинского и немецкого зашептал матерную молитву.

– Жорик, ты же атеист.

– Так времена-то, Уль, нынче...

Зойка криво улыбнулась. Призрак очень хотел забиться в любимое кресло и накрыться газетой, но мимо девочки пройти не решался. Кирюша вопросительно бряцал костями, переступая с ноги на ногу. А я приходила в себя и понимала, что ожидала подобного. Не зря ж она так жадно интересовалась нечистью. И как же в ней всё... нечисто. Или... не дочищено. Тумана – визуальной и материальной силы – быть не должно. Это как послед у нечисти – неусвоенные клочья переданной силы. Но она же ведьма, откуда такое явление?.. И кто что ей передал – как это возможно?..

– Внешне меняешься?

Она отрицательно качнула головой. Губы побелели и сжались в тонкую полоску, почти слившись с кожей лица.

– Совсем? Только глаза?

Зойка кивнула. Ещё и немота при изменениях...

Я вытянула ноги и призадумалась. Потомки нечисти и людей – нонсенс, если только нечисть не высшего порядка. И

даже с высшей нечистью дети случались крайне редко. А выживали – ещё реже. И если она почти не менялась внешне, значит, кто-то в семье был одержимым. Причём долго, едва ли не с рождения. Тогда магия нечисти пропитывала кровь и передавалась по наследству. Маму можно смело исключить – она ведьма, а у нас иммунитет от одержимости. Значит, неизвестный папа, ведь сила так и хлещет. Родство очень близкое. Правда, ещё есть вариант врождённой необычности...

– Дай-ка лапку, – я протянула к ней руку ладонью вверх.

Зойка подошла и положила свою ладонь на мою. Я пошевелила пальцами, выплетая связующую нить, и едва не нагнулась с пуфика. Её сила была током, ошпаривала крутым кипятком. Кирюша едва-едва успел подхватить меня под мышки. Я судорожно втянула носом воздух, чувствуя, как опять чешется левая рука, как дрожат колени и спазмом сжимаются внутренности.

– Жор, а налей-ка ещё...

Призрак послушно скрылся на кухне, девочка села на пол, обняв колени, а я с минуту просто дышала, успокаивая организм. Нет, необычность – мимо. Однозначно потомок. Струющийся из глаз туман уже собирался небольшими облачками и устилал пол, пропитывая воздух сыростью. Жорик принёс мне рюмку, испуганно крикнул и отправился открывать окна.

– Раньше нападали?

Зойка кивнула и показала два пальца.

– Два года назад?

Качает головой – нет.

– Два месяца назад?

Кивает.

– Похитить или убить?

Показывает – первое. Логично. Убить бы хотели – давно бы убили. Живой нужна зачем-то.

– Алла знает? И хотела не только показать тебя Верховной, но и... спрятать? Защитить?

Зойка кивнула, отвернулась, сжалась в комок.

– Жор, дай и ей рюмку. Не алкоголь же, а от... нервов. Да не трясись ты так, бояка! Самое страшное с тобой уже случилось – ты умер. Дай сюда.

Я забрала у призрака рюмку и села рядом с Зойкой. Обняла её за плечи и притянула к себе. Бедное создание... Та управилась с успокоительным и вернулась в привычный облик – упрямые серые глаза, дрожащие губы.

– Извини, – попросила тихо, – но я должна знать... Алле надо было сразу всё рассказать, и я ещё стрясу с неё объяснения. Знай я раньше... не случилось бы того, что случилось. Я бы приготовилась и... Всё-всё, успокойся...

Зойка хлопнула носом и расплакалась, глухо, рвано, хрипло. Как плачут взрослые, не умеющие плакать. Не желающие плакать у кого-то на плече. Отвергающие понимание и сочувствие как нечто недостойное. И так некстати запищал домофон... Кирюша снял трубку, молча выслушал говоря-

щего и показал мне на сотовый.

– Спасибо, дружок, я знаю, – устало кивнула. – Арчи-
бальд, собственной персоной. Передай, чтобы подождал.

Скелет укоризненно клацнул нижней челюстью. Я подня-
ла брови:

– Что? Как похабные сообщения писать и рассылать всем
подряд – так ты мастер, а как написать «подождите десять
минут, пожалуйста» – так сразу «говорить не умею»?

Кирюша грустно покачал головой, пожал плечами и от-
вернулся. Костяшки пальцев бодро забарабанили по клави-
атуре сотового. Зойка, хлюпая носом, тихо хихикнула. Я с
облегчением улыбнулась. Схлынуло.

– Пойдем-ка в ванную, – я помогла девочке встать. – Умо-
ешься, переоденешься и в постель. Хватит на сегодня при-
ключений.

Она последовала за мной послушным зомбиком. Умы-
вальник – полотенце – пижамка – постель. Подоткнув одея-
ло, я провела указательным пальцем по ледяному лбу, шеп-
ча наговор-колыбельную, и ещё несколько минут сидела ря-
дом с Зойкой, прислушиваясь к её сонному дыханию. Одна-
ко, дела...

– Жор, если боишься – пойдём со мной, – я быстро обу-
валась.

– Негоже трусити, коли мертвий, – сухо отозвался при-
зрак из кухни и красноречиво зашелестел газетой: – Уль, а
шо есть – «самая длинная сторона прямоугольного треуголь-

ника, противоположная прямому углу»? Десять букв.

– Гипотенуза, – я взяла ключи и отобрала у Кирюши со-
товый. – Закройся.

Спускаясь – для разнообразия пешком – я позвонила и
извинилась за сорванную встречу. Форс-мажор, да. И снова
намечать встречу пока отказалась. Сунула в карман джинсов
телефон и запрыгала через ступеньку, глупо улыбаясь. Мне
было хорошо. Отлаженная «трясинная» жизнь на глазах ло-
малась и комкалась, а я смотрела на это со стороны и ловила
кайф.

Сумбур и неожиданности для меня – как свежая кровь для
акулы. Это азарт, экстрим и эйфория от движения. В распла-
нированной жизни ты идешь пешком, от одной метки в еже-
недельнике к другой. Лишь опасность и неизвестность за-
ставляют не бежать – лететь вперед. И дышать жизнью. И
пусть осенний ветер чужих обострений и дальше ломает пла-
ны – впервые за пять лет я наконец снова чувствую себя жи-
вой. И летящей. Как на метле – на скорости двести километ-
ров в час, когда неважно, что впереди падение. И неважно,
уцелеешь ли. Важно лишь ощущение движения. Непрерыв-
ного. Безоглядного. Свободного.

Арчибальд Дормидонтович, глава городской общины «па-
уков», сидел на скамейке и наслаждался свежим воздухом.
Невысокий сухонький старичок – божий одуванчик. Тёмные
брюки, светлая рубашка, серый пиджак, щегольские остро-
носые туфли, очки в тонкой оправе, шляпа, седая шевелю-

ра и усики с бородкой в стиле французских мушкетёров. И не скажешь, что это хитрая и безжалостная нечисть. А на непропорционально длинные руки и заострённые жёлто-чёрные ногти кто ж внимание обратит?

– Ульяна Андреевна, – он встал и вежливо снял шляпу. – Прошу простить мой поздний визит, но я готов объяснить.

Я села на скамейку и опустила полог тишины. Тёмный осенний воздух замерцал и потеплел. «Паук» остался на ногах, и первым делом я предъявила ему доказательство слежки – тапку с пятном прибитого членистоногого.

– Объясняйтесь. Ваше?

– Не сердчайте, – кротко попросил Арчибальд Дормидонтович. – Я только хотел быть в курсе возможных... интриг.

– Это я-то плету интриги? – я недоверчиво подняла брови.

– Простите за грубость, но того, кто имеет совесть, всегда имеют те, кто её не имеет, – пояснил мой собеседник мягко и примиряюще. – Вы, Ульяна Андреевна, – добрейшая ведьма, душа нараспашку, но вот тётя ваша... – он прикрыл глаза и мечтательно цокнул языком: – Какая женщина... – и очнулся: – ...весьма не проста. И через вас на всех нас влияет. Я, так сказать, предохранялся и...

– ...ещё «предохранители» имеете? – уточнила я сухо.

– Не нашли – значит, нет, – «паук» обезоруживающе улыбнулся.

– Ах вы... нечисть, – протянула я уважительно. – Ах вы, гнусный... хитрец, Арчибальд Дормидонтович.

Он небрежно поклонился.

– Ладно, к делу, – я положила тапку на скамейку. – Ребята ваши? И сядьте уже, артист...

– Ребята не мои, – заговорил он деловито. – Вы правы насчёт амулетов – трое моих парней их лишились вчера ночью. Напились в каком-то баре – где и с кем, разумеется, не помнят. Не помнят и того, как дома оказались. И скрыли от меня потерю патентных амулетов – самостоятельно найти надеялись, остолопы... – и оскалился, а его щеки задёрнулись, зарябили веками многочисленных жёлтых глаз. – И через амулеты-то пришлые и получили доступ к делам общины. И слезки.

– А останки?..

– Убились по всем правилам – не поднять, – Арчибальд вздохнул. – Машину нашли, но там ничего особенного. И амулеты сгорели вместе с тайной. Кто, зачем?.. – посмотрел на меня искоса: – Провокация?

– Может быть, – откинувшись на спинку и скрестив руки на груди, я напряжённо смотрела перед собой. – Может, кто-то подставляет городскую нечисть, прикрываясь вами. А может, – и прямо взглянула на своего собеседника, – вы темните, уважаемый.

– Не больше, чем вы, Ульяна Андреевна, – проговорил «паук» доброжелательно. – Без толку же на вас нападать да сети ставить, даже пришлым. Жизнь-то всем мила, а от Круга пощады не жди.

Мы замолчали. Никто не хотел раскрываться первым.

– Пора мне, пожалуй, – он встал и оправил пиджак.

– Стойте, – я серьёзно посмотрела на него снизу вверх. –

Вы же понимаете, что не имею права спускать это дело на тормозах. При всём моём к вам уважении, но... я обязана сообщить Верховной.

– Понимаю, Ульяна Андреевна, прекрасно понимаю, – Арчибальд склонил голову. – И свою ответственность понимаю. Виноват. И готов к наказанию.

– Наказание определит Верховная... – я поколебалась, но озвучила свое мнение: – Подстава это, точно подстава. Я замолвлю за вас словечко, но...

– У вас иммунитет закончился, – заметил он, втянув носом воздух. – Давайте обновлю.

Я сняла куртку и закатала рукав водолазки. «Паук» задумчиво провёл когтем по моему левому предплечью:

– Вероятно, только вы нам и верите...

– И, надеюсь, не зря.

Мой собеседник с минуту молчал, только смотрел в упор. Жёлтые нечеловеческие глаза слабо мерцали в темноте, скрывая мысли, острый коготь царапал кожу, вырисовывая паучий узор. Стремительный укол – темнота – и сиплый шепот на ухо: «Девочка – ключ. Ключ к древней, тёмной и страшной истории. Смертельно опасной истории. Рядовые ведьмы давно забыли, но Верховная помнит. И она всё знает, запомните. И мы помним о тайне. А ещё мы жить хотим.

А ребятки пришлые вашими, местными, купленные. Среди своих ищите. Доброй ночи, Ульяна Андреевна. Сладких снов».

Когда я очнулась и проморгалась, он уже ушёл. Невысокий, прихрамывающий и сутулый старичок – умная и опасная нечисть, едва ли не сильнейшая в городе.

Я встала, подобрала тапку и вздрогнула. Сотовый из кармана джинсов завопил так надрывно, что я сразу поняла, кто обо мне «вдруг» вспомнил.

– Ульяна! – рассерженный бас. – Где тебя черти носят?! Живо домой, ты мне нужна!

О, не прошло и года...

– Вообще-то это ты мне нужна, – проворчала я сварливо. – И с утра...

– Домой! – рявкнуло на весь квартал, и тётя Фиса бросила трубку.

Слушаюсь и повинуюсь, моя госпожа...

У Верховной был шикарный оперный голос, и по его звучанию мы наловчились определять, с какой целью нас хотят. Если она пела сопрано, значит, настроена мирно, если тяжёлым низким контральто – злилась и готовилась задать перцу, а уж если орала басом... То дело дрянь.

Наверх я взлетела за минуту. Открыла дверь, вошла и сразу же попала под прицел строгих карих глаз, смотрящих из зеркала. На вид тёте Фисе – не больше сорока лет, а её реальный возраст точно не знал никто. Но ста пятидесяти vro-

де нет. К этой сакраментальной дате ведьма начинает стремительно дряхлеть, усыхать и умирает в свой сто пятидесятый день рождения. Так гласят легенды. В реальности же нам не хватало живучести и спокойствия в мире, дабы опровергнуть слух или подтвердить. В настоящее время. А стародавние ведьмы, говорят, доживали.

– Привет, тётъ, – я закрыла дверь и сняла куртку.

На людях я, конечно, величала её Анфисой Никифоровной с уважением и подобострастием, как положено по уставу и регламенту. Но дом есть дом.

– Рассказывай, – она оперлась локтями о туалетный столик и закурила электронную сигарету.

Я чуть слюной не подавилась. Нет, я бросила... Многогочие. Я собралась с мыслями. Зойка спит, Жорик по-прежнему шуршит газетами (и слишком уж громко и возбужденно шуршит...), Кирюша поддерживает нижнюю челюсть и усердно делает вид, что его нет. Передвинув пуфик, я села напротив зеркала и рассказала. Всё, начиная с утра и заканчивая разговором с Арчибальдом.

Тётя молча внимала, курила и рассеянно смотрела мимо меня. Высокая, сухощавая, стриженная почти «под горшок». Светлые волосы, загорелая кожа и мудрые, очень старые тёмные глаза на пол-лица. Она даже в домашнем халате и тапочках производила давящее впечатление. На тонких длинных пальцах искрилось десять колец, от каждого из которых тянулись цепочки к узким браслетам на запястьях. Регалии

Верховной и проводники силы Круга.

– Вот, собственно... – мне очень хотелось чаю... или чего покрепче. Но «покрепче» на нас не действовало вообще и дома не держалось.

Оставив Верховную переваривать услышанное, я пошла на кухню за чаем. Жорик глянул на меня из-за газеты виновато и вновь уткнулся в статью. Главной ведьме Круга он показываться боялся. А поскольку входной проём кухни находился прямо напротив зеркала, призрак забился в угол диванчика, придвинул стол и накрылся газетой. И даже чайник включить не рисковал. Я подмигнула духу и с чашкой пошла в коридор.

– Значит, Арчибальд побывал на месте? – Верховная по-прежнему смотрела мимо меня. – И не сказал, что в сотне шагов от этой поляны вчера ночью убили ведьму?

Я чуть чаем не поперхнулась.

– Что?..

– Мы нашли мумию, а мумифицируются, как ты знаешь, только умершие не своей смертью, – невозмутимо сообщила тётя, привычно стряхивая с сигареты несуществующий пепел. – Ведьма иногородняя, и при ней было это, – она подцепила с туалетного столика небольшой амулет.

Пятирублевая монетка, нанизанная на тёмный шнур. Приглашение в город от Круга. Такие по всему офису лежат в свободном доступе. Едет в гости родственник или друг с силой – вручаешь на десять дней. Временная регистрация,

чтобы в случае чего найти и отследить. И взять амулет может кто угодно, без бумажек и росписей. Верховная ненавидела бюрократию. Кажется, зря.

– Рядом с той же поляной? – повторила я.

– Весьма глупая попытка подставы, – тётя Фиса положила амулет и задыхалась, как паровоз. – Твои следы – поздние и защитные. Зато на нечисть убийство списать можно. Нарвалась ведьма в своём городе на неприятности и сбежала. Получила приглашение и амулет, но не спряталась. Нашли и договорились, с кем надо. Выманили и...

– Нет, не «и»! – возразила я горячо. – Арчибальд тут ни при чём! Я работаю с ним...

– ...всего-то пять лет? – иронично приподнятая бровь.

– ...и ручаюсь за него, – я пропустила колкий вопрос мимо ушей. – У «пауков» сильнейший инстинкт – выжить и оставить потомство. И если нечисть нашла удобную норку, то будет её защищать. И рисковать непонятно зачем...

– Вот именно, Ульяна, – она удовлетворённо кивнула. – Вот именно. И если ты знаешь, чем их можно купить, неужели никто другой не догадается?

Я промолчала. Я подкупала нечисть пониманием их проблем и желанием помочь. И знала лишь одну сторону. А кто-то предложит цену больше.

Однако...

Нет. Конечно, со всей городской нечистью не сладить даже Кругу, но и им без нас не выжить. Перегрызутся из-за

своей территории, принципов и мировоззрения. А уцелевшие попрячутся по лесам и болотам, дрожа над своими яйцами... в смысле, над будущим потомством, – я поставила пустую чашку на пол. – Конечно, и среди них есть ненормальные и идейно-помешанные... Но большинство нечисти гораздо умнее и мудрее людей. И ценят нас и нашу работу. Нет, тётъ Фис, не трогай «пауков». Арчибальд виноват лишь в том, что недосмотрел. Как и мы.

– Слишком расслабились, – неожиданно согласилась Верховная и откинулась на спинку стула. – Давно больших неприятностей не видели.

– «Ищите среди своих», – я вспомнила прощальные слова «паука». – Среди Круговых, или всё-таки периферийные воду мутят?

– Амулет наш, – Верховная снова задымила. – Периферийных ведьм пока не трогай.

На лице – ни следа эмоций, но по частым затычкам было ясно, как она нервничает. И я не удержалась от шалости. Клубы дыма свились в корону, обволокли прямую спину мантией и обвились вокруг стула «троном».

– Ульяна! – резкий бас. – Ты можешь быть серьёзной?

– Я очень серьёзна, тётъ, – отозвалась я кротко. – И, кстати, Арчибальд признался, что давно в тебя влюблён.

Верховную это, разумеется, не тронуло. Она снова наклонилась к зеркалу и сухо поинтересовалась:

– Тогда скажи-ка мне, дорогая, какие последствия нас

ждут?

Я прикинула. Убийство ведьмы, попытка меня подставить и добраться до Зойки, а за двумя зайцами погонишься – провалишься по обоим фронтам...

– Наблюдатели?

– Верно, – тётя криво ухмыльнулась. – Свора наблюдателей. Слетятся завтра же, как вороньё, стервятники.

– А ты им давно не нравишься.

И я – тоже. Одному конкретному – особенно.

– Что-то затевается. Или против нас. Или против волшебного мира. Или против наблюдателей, – Верховная отложила сигарету и посмотрела на меня в упор: – Никаких выкрутасов, поняла? Кто бы ни приехал. Если хоть один волосок упадёт с головы наблюдателя...

...не говоря уж о нём самом – да с десятого этажа... Полетит наблюдатель – полетим и мы. Начиная с Верховной. В прошлый раз... меня откровенно простили. Почему-то. Что удивительно.

Обычно эта организация, курирующая работу Круга и соблюдение нами законов магического мира, впивалась в ведьм зубами за малейшую ошибку. Полномочия наблюдателей начинались от слежки за подозрительной ведьмой и заканчивались костром под оной; законы (не)использования силы, конкретных заклятий и всевозможных ритуалов, прописанные ими в стародавнем Договоре, были для Круга всем; наша стихийная магия – не чета их «интеллектуальной»,

психоподавляющей и мозговывносящей. А уж работающие на наблюдателей ведьмы – особенно палачи...

И я, признаться, после приснопамятного окна долго, потеряв покой и сон, ждала «в гости» того самого палача, но... Жертва моей импульсивности смолчала и мстить не стала. Или тётё Фисе удалось с ним договориться, или...

– А Зоя? – я попыталась перевести тему на главное. – С ней-то как быть? И Арчибальд сказал...

– А ты меньше слушай, – резко перебила тётя. – И довольно верить кому попало.

Слишком резко. И басом. Я мысленно поставила галочку. Меня куда-то не хотят пускать. Но она же знает: чем упорнее закрывать передо мной двери, тем больше вероятность, что я наверняка просочусь, суну нос во все углы и разнюхаю, где собака зарыта. И пойму, чем и как давно она воняет. И кто прикопал. Я же воздух.

– Круг собирается послезавтра вечером. Придёшь и приведёшь девочку. Пока пусть поживет у тебя. Защиты квартиры я добавила. Но смотри, чтобы не сбежала к родственнице.

Я кивнула.

– И займись нечистью. Расскажи и предупреди. Чтобы по сторонам смотрели, амулеты берегли и чужаков искали. Оповести всех. В ближайшее же время. И сходи в бар, где ребята амулеты посеяли.

– В какой именно? – я скептически подняла брови. – Их в городе штук двадцать.

Не говоря уж о пятитысячной армии нечисти. Из которой далеко не все жили общинами и умели пользоваться сотовыми и интернетом.

– У тебя есть две ночи и два дня до общего сбора, – Верховная безразлично пожалала плечами.

Я снова покладисто кивнула. Работа есть работа.

Тётя Фиса помолчала, покурила и задумчиво произнесла:

– Не так важно, кто, Ульяна. И не так важно, зачем. Важно – почему сейчас. Почему именно сейчас. О крысе я догадывалась давно. Важно понять, почему она начала действовать именно сейчас.

А я вспомнила о фонтанном видении. Но оно показалось столь незначительным по сравнению с недавними приключениями и новостями...

– Блажь, – небрежно отмахнулась Верховная, выслушав. – Ерунда. Забудь. На тебе – оповещения и бар. И девочка. А с нашей крыской, с тайнами «паука» и Аллы я сама разберусь. А ты... Смотри в оба и будь осторожна.

– Да кому я нужна...

Особенно в свете недавних событий. Надобно оглядеться. Меня многие не любят, но не с них спрос. Спрос наверняка с тех, кто делает вид, что любит. Чует моя чуйка... Алла-то мой номер телефона не знала. Но кто-то добрый подсказал.

– Действительно, – тётя Фиса неожиданно развеселилась. – Половина городской нечисти тебя ненавидит и мечтает содрать с живой шкуру, зато другая половина – душу за

тебя продаст. Не говоря уж о том, что ты – моя племянница. И опекаешь девочку, за которой идёт очевидная охота.

Я фыркнула. Да уж...

– Ладно, хватит, – Верховная глянула на часы. – Доброй ночи, Ульяна.

Зеркало сверкнуло и пошло крупной рябью, поглощая тёткино отражение и являя мою встрепанную особу с шелестящей газетой за спиной. И с минуту я неподвижно сидела на пуфике, зажмурившись, и усваивала услышанное.

– Заметь, девке-то не подивилась, – Жорик выглянул из-за газеты. – И ейной силе. Потомки погани – шо дождик восени, само собой, да?

– Нет, конечно, – я встала и вернула на место пуфик. – Но что не удивилась – это ты верно заметил. Будь другом, включи чайник.

– Зелье?..

– Не, всё нормально.

На всякий случай я заглянула в гостиную, но Зойка спала, зарывшись лицом в подушку и выпростав из-под одеяла пятки. Я осторожно закрыла дверь и отправилась на вечерние процедуры. Быстро в душ и в домашний костюм, снять линзы, перекусить и по уши залиться кофе. И заняться важным делом, пока дело не занялось мной.

Жорик с вопросами и новостями не приставал, молча окопавшись в углу дивана с газетой. Я достала списки своих подопечных, поставила на кухонный стол ноутбук и до утра опо-

вещала. Рассылала электронные письма и смс-сообщения, рассказывая и предупреждая. Примерно каждый пятый перезванивал и интересовался, не Кирюша ли это опять прикалывается. Скелет радостно клал челюстью, ошарашенный вниманием. Шаловливый подросток – это шаловливый подросток, и как сердиться?..

И лишь к шести утра, одурев от работы, но всё закончив, я уползла в постель. И долго ворочалась с боку на бок, унимая мыслительный процесс и предвкушение скорых авантюр. Жизнь, рыча, рвалась с цепи, как гончая, почуявшая запах крови и приключений. Готовая взять с места в карьер и нестись сломя голову.

Главное – уследить, чтобы не под откос.

Глава 4

– Это у вас профессия такая – ведьма? Или характер тяжёлый?

– Профессия. А характер как раз у меня очень даже симпатичный.

К/ф «Старая, старая сказка»

Я долго просыпалась и ещё дольше собирала своё сознание по кусочкам, вспоминая, что, зачем и почему. И с минуты лежала, тарашась в потолок. Выпнуть себя из постели не получалось. Организм вдруг вспомнил, что он любит иногда расслабляться и отдыхать, нежась под одеялом. И, дотянувшись до сотового, я решила немного поваляться, совмещая приятное с полезным. Дома тихо, никто не боится и не ругается...

– Ты – шулер! – раздалось из кухни тонкое, звонкое и возмущённое. – Ты козырного туза из рукава достал! Я видела! Кирюша, подтверди!

Жорик довольно захохотал.

– Так нечестно! – запищала Зойка.

– Нечестно не пользоваться то, шо дано природой, – изрёк дух снисходительно. – Ну, дивчина, ещё по разочку, э?

– Чур, я карты сдаю!

– Изволь, красуня.

Кажется, призрак одолел свой первобытный страх перед

нечистью. Сам давным-давно нежить, но нечисти боялся по старой памяти как чёрт ладана.

Я поудобнее устроилась в постели и включила мобильник. Удивительно, но меня никто не хотел. Ни одного сообщения, ни одного пропущенного вызова. Поразительно. Зато я кое-кого хочу.

– Том, привет. Да, день добрый. Есть минутка? Слушай, а расскажи про убитую ведьму. Не, про мумию и амулет я знаю. Кстати, про гостевой амулет. Может, всё-таки подкинули? Не то бы забрали, чтоб не спалиться. Что было? – я резко села. – Точно?

Затёртые следы ритуала и никаких остатков магии...

– Потрудилась она на зависть, – хмуро резюмировала Томка. – Всё делала вручную, без заклинаний и ведьминой силы.

– Но почему вы решили, что «она»? Почему не предположить сбрендившего колдуна? Осень же, обострения. А мужики – народ обидчивый. На своей территории гадить побоялся...

– А ты про осень, мужиков и обидчивость в связи со своим наблюдателем поминаешь? – хмыкнула подруга.

– Тьфу на тебя! – я чуть не перекрестилась. – Надеюсь, пришлют кого-нибудь другого... Так почему «она»? И при чём тут я? Зачем использовать подставу и давать нам понять, что что-то затевается?

– Ульяш, ты же знаешь, у Верховной паранойя, – Томка

понизила голос до шёпота. – Она боится потерять место и власть именно сейчас, когда не готова её преемница. Я уверена, что ты – случайность. И случайно же у Аллы оказался именно твой номер телефона. И забрать хотели девчонку, и нацелилась на неё наша охотница-убийца, потому и знакомая полянка. Свято место пусто не бывает. Не удивлюсь, если девочка понадобилась... для тех же целей, что и наша жертва. А Анфиса Никифоровна всё вывернула так, чтобы тебя припугнуть и к делу пристроить. Преемниц она, конечно, муштрует, но хочет-то на своё место тебя.

И снова тьфу... Эта набившая оскомину тема уже в печёнках сидит... Но в общем и целом... Ребята-то удивились, обнаружив в сетях другую добычу. Ждали бы меня... не стали бы ждать. Ударили бы так, чтобы напасть захотелось. Эх, тётя-тётя, вечно ты со своими несбыточными мечтами карты путаешь...

– Почему «она»? – я вцепилась в Томку, как терьер.

Дражайшая подруга помялась, помолчала, посопела недовольно, но раскололась:

– Запах. Запах «Озёрной глади». Он был повсюду. А это зелье варится...

...с примесью крови ведьмы. Женской крови. И действует только на ведьм.

– На кой чёрт ей «Озёрная гладь»? Это же обычное успокоительное.

– А я знаю? – флегматично отозвалась Томка. – Может,

трясло перед ритуалом. Только, Ульяш, между нами...

– Конечно-конечно, – я таки отскребла себя от постели. – Спасибо, Том. Ты, если что... держи в курсе, ладно?

– Обязательно, – пообещала она и отключилась.

Тётины потуги всучить мне Пламя Круга вместе с должностью Верховной точно до добра не доведут... Я заправила постель, влезла в домашний костюм и побрела в ванную. А раз Томка не спросила, зачем я вчера её искала, то уже всё знает. Ещё бы с амулетом гостевым разобраться... Я почистила зубы, умылась и пошла на кухню. Оттуда по хате расползались запахи кофе, гренок и омлета и неслись азартные выкрики.

– Доброе утро, страна.

Троица во главе с Кирюшей оккупировала стол и резалась в «дурака».

– Який же ранок, Уль? – Жорик добродушно улыбнулся. – Друга година вже.

– Чего? – не поняла Зойка. И украдкой разгладила голубую майку пижамы, пряча жирное пятно на шортиках.

– Это второй час дня, – я посмотрела на часы. – Надо было будить.

– Да на кой? – призрак положил на стол карты. – Не убегут твои дела. А с уставшей тебя який толк?

– А мы омлет приготовили, – похвасталась Зойка, вскакивая со стула. – А... у тебя глаза... разные... – добавила растерянно.

Да, разные. Правый – ярко-синий, левый – блеклый, светло-голубой. Привыкла, что дома все свои... А теперь уже точно все свои.

– Чудачества природы, – пояснила я философски. – Если неприятно, сейчас линзы надену.

– Да я не... А почему так?

Я пожалала плечами и взялась за завтрак. Жорик наблюдал за мной с очевидной завистью – он ужасно скучал по простым жизненным радостям. Зойка посмотрела на меня и тоже села есть. А Кирюша, пользуясь всеобщей занятостью, помечал карты, спрятав колоду под стол.

Омлет был очень вкусным. Я съела две порции и за кофе задумалась, как бы сказать Зойке, что с нечистью она познакомится... не сегодня. Оставлять её дома неудобно, но с собой брать – опасно. Плюс она наверняка меня задержит, а я хочу обернуться до утра. Чтобы завтра нормально выспаться, подумать и прийти на сбор Круга со свежей головой.

– Зой, – начала я осторожно, глядя в кружку, – побудь сегодня дома, ладно?

– Почему? – она нахохлилась. – Ты же обещала нечисть!.. А я не буду мешать!

Я замялась, подбирая слова, и мне на помощь пришел Жорик. Снисходительно посмотрев на взъерошенную девочку, он «педагогично» спросил:

– Дитё, як думаешь, тебе живой с поганью встречаться пользительно иль когда помрешь?

Я поперхнулась кофе и украдкой показала призрак кулак. Дух ухмыльнулся. А Зойка серьёзно уточнила:

– Всё так... страшно?

Я обрадовано закивала.

– И тётя говорила, что я в большой опасности, – она уныло наморщила веснушчатый нос.

– Ты за компьютером работать умеешь? – да, куй железо, пока горячо. – В игры поиграть хочешь?

Зойка грустно шмыгнула носом, но глазки заблестели. Игры – это, конечно, не так увлекательно, как нечисть, но тоже кое-что.

Я сбегала в магазин за продуктами и свежими газетами, на скорую руку приготовила бигус, показала девочке игры и снова собралась на выход. Галя, моя наставница, постоянно твердила, что, даже встречаясь с нечистью, ведьма должна выглядеть «культурно». Я старалась следовать её советам, но получалось плохо. Слишком часто оказывалась в ситуациях, когда «культурные» юбка, блузка или каблук могли стоить мне здоровья. А переделывать одежду, как Томка, я не умела – это другая сфера силы. Так что... джинсы, кроссы, свитер, кожаная куртка и сумка через плечо. «Поросычьи хвостики» – в «крабик» и... И, само собой, линзы. И список адресов с ФИО неоповещённых. Да, девичья память, мутирующая в склероз. И амулеты.

– Жор, что говорит твоё чутьё?

– Ну, не знаю, Уль, кажись, всё погано, – предрёк Жорик,

нещадно «гэкая», и зазвенел амулетами. – День дурной, а ночка – ещё краше... На, эти бери.

ТЬфу-тьфу-тьфу, и по голове...

– Эй, а я-то чего? – возмутился призрак. – Поди ж не дерево!

– Зой, обещай не убегать, – собравшись, я заглянула на кухню. – Если хочешь, помогу тебе с поисками тётти... потом, только не убегай, ладно? – и торопливо попросила: – Давай договоримся: я верю тебе, а ты веришь мне.

Да, Совести очень... беспокойно. И Ответственности – не лучше.

Она отвлеклась от изучения игры и посмотрела на меня через плечо.

– Ладно, – и её взгляд посветлел. – Не убегу, – и уткнулась в игру.

Я поманила Жорика и жестами показала, что с ним сделаю, если недосмотрит. Призрак нервно поправил «галстук» и понятливо кивнул. Кирюша покивал за компанию и протянул мне колоду карт. Я вытасила одну не глядя. Пиковый туз, перевёрнутый. И леший с ним.

По основным адресам – к главам общин – я поехала на такси. Двое жили недалеко от меня, ещё пятеро – в центре, с десятков – по окраинам. Но мой берег – левый, а дело... правое. Под началом у общинных глав – тьма народу, а за такси по копиям чека потом деньги стребую. И, садясь на заднее сиденье очередной машины, я уныло посмотрела на

ванильно-закатное небо. Коврик бы сейчас, лётные права – и вперёд, на крыльях ветра... Приземлиться на крышу – и вниз по квартирам. А то, что крыши запирают – ерунда, и то, что решётками забирают выходы, – тоже. Я же воздух и при большом желании просочусь куда угодно.

Троих пришлось искать по подвалам, двоих – отлавливать на крыше, а за одним юрким лешаком я до темноты гонялась по центральному парку. Паразит решил, что я поразвлекся приехала. Поймала, морально накостыляла и выслушала обещания. У всей нечисти есть удивительная штука – ментальная связь с братьями по силе, и предела её дальности я не знала. И преград для неё не было. Интернет с сотовой связью отдыхают. Лешаку достаточно накарябать на древесной коре «SOS!», и всё, все в курсе.

Договорившись с лешаком, я устремилась к выходу из парка – успеть до закрытия купить поесть. Давно стемнело, и в жёлтой листве сияли серебристые фонари. На скамейках, то щебеча, то целуясь, зависали парочки, а одиночки неспешно бродили по аллеям, уставившись в экраны сотовых. Я же шла строго на запах хот-догов. Омлет был вкусным, но... быстрым.

Набрав пакет еды, я с кофе и хот-догом села на скамейку передохнуть. И на всякий случай повела носом. Кыс где-то здесь, совсем рядом. Уникальный вид нечисти и редкой полезности тип. Отличный наводчик и осведомитель – без зазрения совести сдавал всех, и своих, и чужих. Да, и у меня

тоже были свои «паучки». Мне велели беречь его как зеницу ока, и я старалась, заодно подкармливая при случае. Найти Кыса – дело нелегкое, но не для меня. Мы же все дышим одним воздухом.

– Девушка, а давайте-ка я вам погадаю!

Я едва не подавилась сосиской. Подкравшаяся мадам, звеня килограммами бижутерии, сочувственно похлопала меня по спине.

– Ну, что же вы так неосторожно-то, – и пытливо заглянула в мои глаза: – Вы ведь не замужем и совсем-совсем одна, бедняжечка...

А домашняя нечисть не в счёт, да?

– Неужели? – выдавила я и глотнула кофе. Проклятая осень...

– Погодите, я вам всё сейчас расскажу! – она таинственно улыбнулась и закатила глаза, «впадая» в транс. – Ведь это порча!.. Да-да, землицы с могилки с чужой взяли да вам под кровать, и... Толя... Кто такой Толя?.. Из-за него у вас одиночество в глазах?..

– А у вас – камни в почках. И хронический гастрит, – да, я тоже немного смыслю в экстрасенсорике. – И дочь дома, на третьем месяце беременности, брошенная парнем. И вами. И лучше ей помогите, чем мне про могилки сочинять.

Видит бог, я стараюсь быть добрее, но люди сами нарываються. И моё отношение к окружающим всегда зависит от того, зачем они меня окружили.

Мадам резко выпрямилась и вспыхнула:

– Откуда вы...

– От верблюда, – я встала и подхватила пакет с едой. –

Всего хорошего.

И, сунув в рот остатки хот-дога, сбежала, оставив мадам в шоке и расстроенных чувствах. Одиночество в глазах... Я презрительно фыркнула. Да я уже года три мечтаю побыть в одиночестве и без срочного дела, хотя бы денёк... Выйдя из парка, я пошла вдоль ограды, поводя носом. Кыс-Кыс-Кыс, где же прячешься, морда пятнистая?.. А время – к десяти, и мне ещё по барам...

Потягивая из трубочки кофе, я перешла через дорогу, нырнула в тёмный проём между домами и углубилась в подворотни. Внимательно смотрела под ноги, обходя разбитый асфальт, и мысленно составляла диалог. Влажный ветер шуршал в кронах старых тополей, роняя жёлтые листья. В зашторенных окнах горели редкие огоньки. И как там Жорик, справляется ли?.. С тех пор как мы познакомились, призрак почему-то считал себя обязанным за мной присматривать. То есть активно лезть в мою жизнь и совать любопытный нос во все дела. А я разрешала, взамен нещадно его эксплуатируя. А что, близкие должны (быть использованы по назначению) чувствовать себя нужными.

Кыс нашёлся на высоченном тополе. Я быстро осмотрелась. Сталинские пятиэтажки, квадратный двор, заросший старыми деревьями, сломанные качели и разбитая песочни-

ца. На единственной скамейке с единственной же доской-сидушкой – знакомое клетчатое одеяло. И ни души. За исключением пары зеркальных «фар» меж густых ветвей.

– Кыс, сползай, – я положила на скамейку пакет с едой. – Дело есть, – и отошла, отвернувшись.

Позади меня завозились. Кыс частенько выбирал кошачий облик – говорил, так легче и затеряться, и ноги унести, и на жалость надавить, чтоб подкормили. Но я его видела и птицей, и змеем, и даже – по большим праздникам – человеком. Он, конечно, уверял, что может обернуться кем угодно, хоть слоном, но я подозревала, что массы тела ему хватит от силы на плюшевого слоника. И пес-кавказец – его потолок.

– Привет, Улька, – сиплый голос и шуршание пакета. – Я поем, а ты вещай.

Я села рядом и глотнула остывший кофе. Кыс же, укрывшись одеялом, залез в пакет, доставая беляши и бутерброды. Тощий и мелкий, едва ли мне по плечо, с плюшевым подшёрстком по всему телу, совершенно седой парень с рыжим родимым пятном на пол-лица, носом «уточкой» и умными зелёными глазами.

– Лучше бы сырого мяса принесла, – он недовольно скривился. – И как люди эту гадость жрут, а?

– Как они едят, так и ты съешь, – я пожала плечами. – Слушай, у меня времени в обрез...

И быстро пересказала случившееся. Предупредив, чтобы никуда не лез.

– А лучше вообще уезжай, – попросила я серьёзно. – Кыс, что-то затевается...

– ...и не только это, – он повёл длинными острыми ушами, быстро проглотил очередной беляш и достал из пакета минералку. – Не чуешь разве? У меня со вчерашнего дня шерсть дыбом. И в городе неспокойно.

– В смысле? – озадачилась. – Я сегодня с главами общин встречалась – никакого беспокойства. Излишнего. Из-за подставы «пауков» волнуются, конечно...

– Нет, Улька, нет, – Кыс сморщился. – Ты же видящая, неужто ничего подозрительного не замечала, а?

– Вообще-то... было видение, – я встряхнула бумажный стакан и с сожалением констатировала отсутствие кофе. От долгих разговоров ныли связки и хотелось пить. – Дай-ка глотнуть... Только Верховная сказала, ерунда...

– А Анфиса Никифоровна, разумеется, истина в последней инстанции? – едко ухмыльнулся он.

Я передёрнула плечами и рассказала о видении.

– Говоришь, погода менялась?

– Угу.

– Плохо, Улька.

Стыдно уточнять, но что делать... Я с такими видениями никогда не сталкивалась и от наставниц о подобном не слышала.

– Почему? – пожалуй, да, в архивы надо...

– Потому что если погода не меняется, то ты погружаешь-

ся в видение – и идёшь навстречу будущему сквозь ткань настоящего. А если мир меняется – то будущее идёт к тебе, комкая настоящее.

– Не поняла... – призналась я смущённо.

– Время, – Кыс посмотрел на меня, не мигая. Вертикальные зрачки – живые язычки белого пламени, на зелёной радужке вспыхивали серебристые искры. – Время, Улька, подобно воде. И имеет свой путь – и свой круговорот. Иногда оно бежит живой рекой, иногда – застывает кристаллами вечного льда, а иногда... испаряется, словно его и не было, – мой собеседник откусил от последнего беляша и рассеянно проглотил, не жуя. – Но время никогда не пропадает бесследно – оно всегда возвращается. Проходит осенним дождём. Сыплется снегом. Гейзером рвёт землю. И оно помнит – всегда помнит – старые русла рек, старые выемки и щербинки. И бежит знакомыми дорожками заполнять их. Снова. И тогда оживает то, что спало в старых руслах и высохших водоёмах тысячелетиями.

– И?.. – я вернула ему бутылку.

Кыс поёжился, ссутулился и промолчал. Встряхнул пустой пакет, сложил туда обёрточную бумагу и допил минералку.

– Я тебя слышал, – он встал, придерживая одеяло. – Надеюсь, ты меня тоже.

Как же нечисть любит говорить загадками...

– Случатся ещё видения – разберёшься, – Кыс красноре-

чиво махнул рукой: дескать, всё, проваливай. – У меня пока только предчувствия... и страх.

– Это будущее... оно за мной идет? – я встала.

Мой собеседник хихикнул:

– Не льсти себе, Улька. На кой шут ему молодая, недоученная и не шибко умная ведьма, а? Ты просто видишь. Ты – единственная видящая в городе. Вот и всё. А вот зачем оно воскрешает то, что когда-то убило время... – он нервно прижал уши. – Не знаю. Но если узнаю – расскажу. Ночи, Улька. Спать пора.

– Ночи, – я отвернулась. И сделала вид, что поверила его сонливости и инертности. Наверняка за мной по пятам рванет, любопытный.

Скрипнула скамейка, зашуршали ветки, и с дерева осыпался дождь из жёлтых листьев. Я достала из сумки распечатку адресов. Да, пора по барам... Ближайший находился в полутора остановках, и я для разнообразия пошла пешком. Вернулась к парку, заглянула в круглосуточный «Подорожник» за кофе и отправилась по делам. По пути вертела Кысовы слова и так, и сяк, но поняла одно: гадости быть. А тётя Фиса просто вывернула ситуацию так, чтобы я делом занималась, а не призраков гоняла. За призраками-то интереснее бегать, чем по сомнительным заведениям шляться в ожидании чуда.

«Чудо» не явило себя ни в первом баре, ни в пятом. Полнейшая тишь и никаких следов пришлых «пауков». И после

седьмого бара я забеспокоилась. Первый час ночи – самое время для разгула нечисти, а в барах пустота. Хозяин восьмого бара, налив мне коньяку, посетовал на некую «непогоду». Я выпила с ним за компанию и попросила копию чека. Эдак я за сутки проезжу и пропью всю зарплату...

У десятого бара я зависла, борясь с соблазном поискать сигарету. Чтобы сесть на крыльце, вытянуть ноги, протопавшие пятнадцать остановок, и собраться с мыслями. Красно-жёлтая неоновая надпись «У чёрта на рогах» разгоняла сумрак ночи, а соответствующая вывеске морда жутко скалила острые зубы и, зараза, подмигивала. Владельца данного заведения я знала плохо, но достаточно, чтобы... да, побаиваться. Формально он к моим подопечным не относился, но судьба сталкивала, к сожалению.

Случайных прохожих не было вообще. И тишина царила подозрительная – ни проезжающих машин, ни шороха листьев. Я помялась на крыльце, покосилась на «глазок» камеры, пошарилась для вида в телефоне и, вздохнув, пошла на дело. Открыла тяжёлую кованую дверь с выгравированными на створках оккультными символами и прислушалась. Никого лишнего. В небольшом полутёмном помещении, в одиночестве расположившись у барной стойки, протирал чистейшие бокалы хозяин кабака.

– Доброй ночи, Аспид.

Он грубо и картинно повернулся ко мне спиной. Длинная чёрная коса змеей метнулась по тёмному жилету. Полумрак

стал гуще и плотнее, а свечи на столах – ярче. Завоняло ароматическим воском.

– Я только спросить и...

– Да пошла ты, ведьма, – буркнул «змея» глухо, – вместе со своим гадюшником...

Аспид относился к той половине нечисти, которая мечтала содрать с меня шкуру. А если не с меня, то с любой зазевавшейся ведьмы. Ненавидел нас люто и, по слухам, небеспричинно. И насчёт гадюшника – это он в точку.

– Проваливай, говорю! – его плечи ссутулились и раздалась, ткань светлой рубашки затрещала.

Поздно. Я учуяла. Запах. Чужой воздух. Люди, живущие в одной местности, пахнут похоже. Заводы, марки бензинов, дым от ТЭЦ, растительность, еда, вода – всё это постепенно формирует один городской запах, по которому я опознавала своих. И отличала чужаков.

Я проигнорировала грубый окрик и, обогнув барную стойку, устремилась к нише. Небольшой закуток, один стол и четыре стула с высокими спинками, дверь в туалет. Холодный сквозняк от кондиционера. И запах. Очень чёткий.

Сев на стул, я провела рукой по столу и закрыла глаза.

Знакомая троица пришлых «пауков» склонилась над столешницей и почти соприкасается головами. Шепчутся, размышляют, обсуждают. На столе – ничего, кроме салфеток и солонки. На официанта и желающего облегчиться «пауки» зыркнули так, что вопросы и желания отпали сами собой.

А потом один поднял голову и в упор посмотрел на меня.

И в моей голове взорвалась, туманя сознание, боль.

– Я сказал, проваливай! – «змея» тряхнул меня за плечо.

Моргнув, я тупо посмотрела на стол. Всё. Кино закончилось, не успев начаться, а пиратской версии нема... Я снова провела дрожащими ладонями по столу, но – никаких следов информации. Вообще. Даже о том, кто здесь сидел до и после «пауков». Я потёрла виски и встала со стула. Чёрт, что это за магия?.. На руке запоздало пульсировал браслет, намекая на опасность.

– Что, обломали, видящая? – хмыкнул Аспид.

Я досадливо сморщилась. А он паскудно заухмылялся. Жёлтые глаза горят, восточное лицо довольное, на левой щеке вздулся ожоговый шрам, усы подрагивают, бородка, заплетённая косой, топорщится. Видимо, придётся допрашивать... Боюсь только. Себя боюсь. Как бы не занесло. Очень не люблю упёртых хамов. Бесят.

– Аспид, – я присела на край стола, – выбирай одно из двух. Или ты перестаёшь хамить и говоришь, что ничего не знаешь – и убедительно говоришь, чтобы я поверила. Правда, нечисть не умеет врать, но ты попробуй. Или – перестаёшь хамить и честно отвечаешь на вопросы. И так отвечаешь, чтобы я поверила.

– Иначе что? – «змея» подобрался, и за его спиной мелькнула тень скользкого хвоста. Ударила по барной стойке, бесшумно поползла по полу.

– Понятно... – я наморщила нос.

Терпеть ненавижу, но ради дела... Я вздохнула и опустила плечи, «сдаваясь», а он расслабился, растворяя змеиную тень в полумраке бара, и победно оскалился.

Я сложила руки на коленях, привычно уставилась на свой маникюр и спокойно спросила:

– Аспид, как думаешь, что случится с твоими лёгкими, если я выстужу в них в воздух? А потом нагрею? Градусов так до трехсот? И сорву защиту? И память наизнанку выверну?

– Не посмееш-шь... – и снова тень хвоста замаячила на полу, подбираясь к моим ногам.

– Посмею.

– Против правил работы с нечистью и Верховной? – напрягся Аспид.

– Первым правила нарушаешь ты, отказываясь сотрудничать, – надо бы ногтями заняться, а то смотреть стыдно... – А Верховная – моя тётя, и я – её единственная и любимая племянница, – я равнодушно пожала плечами. – Она мне всё простит. И от чего угодно отмажет. А вот кто тебя от пола отскрести будет...

Он дёрнулся, но я успела раньше. Резко вскинула руку, и его впечатало в барную стойку, выгнуло дугой.

– Убью... – просипел «змей», схватившись за горло. Хвост безвольно распластался по полу, придавленный «плитой» вязкого воздуха. Тьма пугливо загудела, заметалась из угла в угол, тревожа огоньки свечей.

– Вряд ли, – я сжала пальцы, и Аспид задёргался, захрипел. Из его открытого рта повалил пар. – Сам расскажешь или мне смотреть? Считаю до пяти: сам или помочь? Да или нет? Раз...

Сиплое «да» порадовало чрезвычайно. Ибо высунулась недовольная Совесть и предъявила следы угрызений. Я рожала руку, и Аспид сполз на пол.

– У тебя минута. И без глупостей, – предупредила я, со-скакивая со стола. – Иначе по стенке размажу.

Хочу выпить. И пусть без толку. Я по-хозяйски перебралась через стойку и ухватила бутылку ликёра. Судя по этикетке, жутко дорогого.

– Чего добро переводишь? – буркнул Аспид. Жёлтые глаза горели ненавистью, но в руки он себя брал быстро. – Потом не считаешься.

– Копию чека выпиши, – я села на стойку и откупорила ликёр. – Итак? Пару дней назад здесь объявились трое незнакомых и чужих «пауков», о которых почему-то никто не доложил, куда следует...

– На них не написано, что чужаки! – ощерился он.

– А то ты своих постоянных клиентов в лицо не знаешь, – фыркнула я. – И чужака по запаху не отличишь. Так и скажи, что заплатили. Сколько, кстати?

– Штуку, – неохотно выдавил он и сел на стул, нервно расправляя ворот рубахи, – баксов.

Да уж... Нам, нищим ведьмам, только пытки и остаются...

– Сказали, посидят полчаса, встреча какая-то, – Аспид отвёл глаза. – А после... Ушли. Трое сами, троих пьяными унесли. Как обычно.

– Куда ушли?

Он пожал плечами. Я поставила бутылку на стойку:

– Точно не знаешь?

– Сама посмотри, – «змей» ошетинился, оскалился.

– Не умею, – я с сожалением качнула головой. – Умела бы ваши мысли читать – не пугала бы средневековыми пытками на ночь глядя. Вы – не люди, ваша пассивная сила – мощная защита от любого вторжения. Воздух через вас не пропустить и нужного не узнать.

– Пуга... – Аспид запнулся. Ненависть в его глазах разгорелась с новой силой.

– Я пацифист. Живи и давай жить другим, – и улыбнулась: – А Верховная бы меня за такое нарушение в порошок стёрла. И сотрёт. Хочешь отомстить – доноси и предъявляй доказательства, – и вздохнула: – Жаль только, без толку...

– Вот из-за таких, как ты, я и ненавижу ведьм... – зло выдохнул «змей».

– Но из-за таких, как ты, мы и становимся такими, какие есть, – ответила я резко.

И замерла. Браслет нагрелся. Я прижала палец к губам, и Аспид поперхнулся. Шаги на мостовой. Двое. Один – крупный, старший, второй – помельче, пацан. «Пауки». Опять. Чужаки. И запах... болотный. Недавняя тройца маскировала

чужеродный запах патентными амулетами, а эти... Непредусмотрительные. Аспид тоже уловил нечисть, и тьма вокруг него забурлила, лопааясь мыльными пузырями, формируя клубок.

– Нет, – я предупреждающе вскинула руку. – С «пауком» не сладишь. Иммунки нет? Тогда не высовывайся. Мозги заплетут, и умолять будешь, чтобы убивали долго и мучительно.

Я отставила нетронутый ликёр и спрыгнула с барной стойки. Присела, положила руки на пол и прислушалась к шёпота воздуха.

– Обернуться сможешь? А в унитаз пролезешь?

– Слышь, ведьма...

– Так пролезешь или нет? Да? Тогда уходи. По трубам – и наверх. Выход – в пяти кварталах отсюда, на площадке заброшенного жиркомбината. Ответвление одно, не заблудишься и ночью задницу не напугаешь.

Я закатала рукав, использовала «паучий» яд и мысленно поблагодарила Арчибальда за иммунитет. Посмотрела на символ вызова Круга, но не решилась. Последний сигнал остался. Может, для другого пригодится. Ночь не кончилась, а Жорик предсказывал её «ещё краше».

– Кстати, а бар застрахован?

Аспид не ответил. Бесшумной тенью растворился в полумраке, лишь тихо скрипнула дверь туалета. А я вернулась за стойку и приготовилась... убивать. Живьём не взять, но хотя

бы одного убить надо. Того, который постарше. И сохранить его память. Да, я пацифист. С тяжёлой профессией.

Глава 5

Будто ведьмовство зависит только от силы!

*...ведьмовство – это ведь не сила, а умение с ней
обращаться.*

Терри Пратчетт «Дамы и Господа»

Я глубоко дышала, набираясь сил. Воздух гудел и вибрировал, обнимал за плечи и поддерживал под руки. Мне чертовски повезло со сферой в Ночь выбора. У нас много сферисточников, но мне повезло больше других, ведь воздух считается сложной штукой и даётся немногим. И пока я дышу, то вижу всё глазами воздуха, а мои резервы при значительных боевых тратах восстанавливаются моментально – надо только дышать.

На крыльце потоптались, шушукаясь. Я закрыла глаза, растворяясь в воздухе, смотрела и слушала. И остро ощущала чужих. Мои, городские, пахли иначе.

– Ловушка сработала, – негромко говорил старший. – Нас предупреждали, что ведьма-проверяющая пойдет по следу чужаков, и она пошла. И попалась.

– А то, – легкомысленно подтвердил пацан.

Наивные...

– Проверим, – старший определённо нервничал. Наверняка чуял, что в баре кто-то есть. – И следы уберём. Нет тела – нет дела. А нет проверяющей и видящей – нет проблем. А

потом – за девчонкой. Всё очень удачно совпало.

Похоже, пора нам с Раяной серьёзно прошерстить город и его окрестности... Слишком много чужаков вдруг появляется из ниоткуда. Или – не «вдруг»? И, кстати, среди ведьм Круга я – единственный воздух и единственная видящая. Выводы напрашиваются очевидные: кто-то обо мне «паукам» поведал, и этот «кто-то» – из своих. И – зачем им Зойка?.. И – совпало ли?..

– Останься здесь, – велел старший.

Это плохо.

Дверь открылась, впуская сутулую длиннорукую фигуру, и я ударила, не медля. Воздух рядом с вошедшим взвихрился и вспыхнул белым пламенем. «Паук» всхлипнул, потянулся к горлу и оказался распятым на стене. Я учусь на своих ошибках и знаю, где расположены ядовитые железы. Методично выжигая кислород, я краем глаза отметила появление второго. Придерживая тяжёлую дверь, он изумлённо потарачился на меня, а потом развернулся и молча задал стрекача.

«Стой, гад!» вырвалось само собой, а с улицы донёсся возмущенный мяв. Опустив на пол бесчувственное тело, я кинулась за убегающим и на крыльце едва не сшибла помятого Кыса.

– Улька!.. – отшатнулся он.

– Гони за Арчибальдом! Быстро! Одна нога здесь – другая там! Или тело к нему отнеси! С меня пять кило мяса! С кровью! Если успеешь!

Мелкий «паук», удирая, петлял обезумевшим зайцем, а я стремглав неслась за ним. Дороги, кусты, песочницы, ограды и подворотни сливались в сплошное пятно – в серый коридор, в котором яркой молнией мелькал путь убегающего, нестерпимо воняло потом и слышалось сиплое дыхание. Там, где «паук» перемахивал через заборы, я просачивалась меж прутьев, но лишь отставала – бегал он отменно. Проклятый наблюдатель и мои детские комплексы с несдержанностью... В полёте бы на раз догнала...

Просочившись в щель между бетонными плитами забора, я остановилась глотнуть воздуха, осмотрелась и не поверила собственным глазам. «Паук» исчез. Испарился. След ярким зигзагом упирался в серую обшарпанную стену и... И всё. Я недоверчиво прищурилась и резко втянула носом воздух. Болотом воняет повсюду. След чётко указывает на стену. И поисковый коридор уходит в пустоту. Оборванные серые края колеблются на ветру клочьями бумаги. Чёрт знает, что творится...

Я вытерла мокрый лоб и упёрлась руками в колени, переводя дух. Лёгкие работали как кузнечные меха, нещадно колело в левом боку, по спине струился пот, свитер противно лип к телу. Я сняла куртку с сумкой и огляделась. Заброшенная площадка жиркомбината. Земля, усеянная разбитым стеклом, опавшей листвой и штабелями плит. Скучное трехэтажное здание. Выбитые окна забраны фанерой или зияют чернотой. Слабый свет пары зеленоватых фона-

рей у забора. На крыше раскинул жёлтые лапки чахлый ку-стик. Неподвижный.

Вопрос: откуда ветер, от дыхания которого колышутся стены поискового коридора?

Сбросив вещи на плиты и усевшись рядом, я вытянула но-ги, закрыла глаза и принялась. Воздух спёртый, пропитан-ный болотной вонью. След «паука» яркий, пока он бежит к забору, пока перелетает через него, пока стрелой проносится по площадке... Потом – вспышка и темнота. Как в баре. И, как в баре, опять пульсирует браслет, и боль на секунду от-ключает мозг от реальности. Да что ж это за странная магия у «пауков», которые только зубы заговаривать и ядом пле-ваться умеют?.. Зато понятно, почему не самоубился, а дра-панул. Знал, что есть убежище, где его не достать.

Я встала и методично обшарила площадку. Ветром про-летела по зданию, приподняла плиты, но лаз не нашла. За-то нашла место, откуда дует ветер. Остановилась у стены и присела на корточки. Ветер сквозил из-под земли в невиди-мые щели, но что там, подо мной, находилось, я увидеть не смогла. Воздух молчал. Для верности я попрыгала на скво-зящем пяточке, ничего не поняла и полезла в карман джин-сов за сотовым. Пусть Верховная разбирается.

– Том, привет. Не спишь? Я тут...

Земля ушла из-под ног неожиданно, но мои рефлексy быстрее и сильнее непредсказуемости. Отшвырнув телефон, я на автомате раскинула руки, уплотняя воздух, цепляясь за

него, тормозя падение. В нос, заглушая все ощущения, ударила мерзкая вонь. Наверху тревожно орал Томкин голос, и неожиданно близкими показались крупные осенние звёзды. Вон хвост от Большой медведицы... И бабочкой в янтаре, чёрным небом в косо́й прорези ямы застыло время.

Я дышала ртом, часто и мелко, едва не теряя сознание от вони, и с силой выталкивала из ладоней частицы плотного воздуха. Только дышать – это всё, что мне нужно, чтобы выжить... И смотреть на звёзды, цепляясь за реальность. В голове мутилось, а звёзды двоились и троились, вода хоровады. Только дышать...

Внизу набирал обороты воздушный вихрь. Холодный влажный ветер вздувал штанины и хватал меня за лодыжки, стаскивая вниз. Медленно, миллиметр за миллиметром. Судорожно цепляясь за воздушные стены, я ощущала, что сползаю... но – странно – звёзды становились только ярче. Пока не слились в два пятна. Жёлтых. Чтобы исчезнуть за чьей-то тенью. И я отчаянно, на последнем выдохе, рванулась вверх.

И очнулась на плитах. Сумка под головой. Нервная дрожь усталости по всему телу. Жёлтые глаза рассматривают в упор.

– Аспид, какого... лешего... ты... тут... делаешь?.. – просипела я сдавленно между бешеными глотками воздуха. – Ты... вытащил?..

– Могу столкнуть обратно, – ощерился он и положил мне

на живот орудий сотовый. – Это тебя.

Я сжала в руке телефон и хрипло засмеялась:

– Ты... прелесть, – с трудом села и сбросила вызов тётки Фисы.

Не до неё сейчас. Голова кружилась, и опять жутко воняло болотом. Кажется, теперь и от меня.

Аспид обиделся на комплимент. Раздул тень клобука, злобно стеганул хвостом и прошипел:

– Дар за дар. Ты помогла – я помог. Ничего не должен.

– Какой педантизм... – я тяжело дышала, судорожно восстанавливая запас сил. – Принимается.

Там, где я неосмотрительно прыгала по земле, появился провал, из которого валил и стелился по земле густой молочный пар. В оконных проёмах завывал ветер, и над ямой до второго этажа вихрился воздух, гоняя по кругу осенние листья и мелкий строительный мусор.

– Аспид, ты сам-то как туда не угодил? – я наконец немного пришла в себя.

Он надменно выпрямился и скрестил руки на груди:

– Повезло тебе. Близко была, – и предъявил кончик хвоста с присосками, как у осьминога на щупальцах.

– О, – я улыбнулась, – никогда прежде не видела... Ты один такой необычный или это примета особи твоего вида?

– Бредишь, ведьма? – осклабился Аспид.

Да. И усердно цепляюсь за всё, что может отвлечь. Чтобы меня не накрыло не к месту. Осознанием.

– Стой, дура! Куда?.. Второй раз вытаскивать не буду!

Я устало подковыляла к яме и села на корточки. Ощупала рябивший воздух и ответила:

– Не затынет. Я сбила «пробку», и ветер вырвался на свободу.

Снова заорал сотовый, и в унисон весёлой песне атаманши из «Бременских музыкантов» сверху раздался низкий гул. В тёмном небе рассыпался серебристый фейерверк, и на землю брякнулся увеличенный огнетушитель. А следом спикировала и тяжело дышащая Томка. Длинные распущенные волосы дыбом, пиджак с блузкой измяты, юбка почти на талии, чулки... черные, крупной сеткой.

– Почему трубку не берёшь?! – злобно рявкнула подруга и швырнулась туфлей.

Я поймала лакированную обувь и потрогала длинный острый каблук. И смущённо кашлянула. Посмотрела на Аспида и сделала большие глаза. Но тот, кажется, забыл и о ненависти к ведьмам, и об инстинкте самосохранения. Возбуждённо вытаращился на Томку, захлебываясь слюной. Да, она же, как и я, тоже со своей врождённой необычностью, которая, не к ночи будь помянута...

– Том... ты... – я замялась. – Юбку... поправь.

Она наконец почувствовала чужой взгляд и повернулась к моему спасителю. Юбка мутировала в брюки, и над жиркомбинатом гроыхнуло:

– ИСЧЕЗ!..

Аспид растворился в мгновение ока, только мелькнул в ночном сумраке кончик хвоста. Томка вновь повернулась ко мне и смерила тяжёлым взглядом:

– Ульяна, прибыю!.. Почему трубку бросаешь, а потом не берёшь?! Почему на помощь не зовёшь?! Что здесь вообще происходит?!

– Посмотри лучше на это, – я указала на яму. – И, бога ради, успокойся. Не надо меня убивать, и без тебя охотников хватает.

– Потом, – отмахнулась она второй туфлей. – Рассказывай.

И села на плиты рядом с моей сумкой. Зажмурилась, прогоняя злость, и враз изменилась до неузнаваемости. Вместо яркой, горящей гневом девушки – уставшая женщина. Опущенные плечи, лицо под завесой волос. Я осторожно положила на землю туфлю и отступила, понимая, что творится у неё внутри.

– Том?..

– Нормально, – она тяжело вздохнула и повела плечами. Отбросила волосы за спину и принялась плести косу.

Пронесло... И ей, как и мне, злиться и выходить из себя... опасно. Я села рядом и быстро рассказала всё, от Кыса до провала в яму.

– А у тебя талант оказываться в нужном месте в нужное время, – заметила подруга с усмешкой.

И посмотрела на меня искоса, ища следы воздействия или

внутренние повреждения. Взгляд – острый, рентгеновский, прощупывающий.

– Когда гоняешься за нечистью, это происходит само собой, – я пожала плечами. – Том, а ты не знаешь, что стирало следы «пауков» и...

– Стирало? – перебила она и снова полыхнула гневом. Чёрные глаза заискрились. Таки нашла, что искала. – Ульяш, ты реально ничего не поняла или прикалываешься?

– И тогда не поняла, и сейчас не понимаю, – призналась я честно.

– И жива к тому же, – Томка сощурилась.

– Нет, умерла, – я весело фыркнула. – И перед тобой – зомбик. Для поговорить на околонаучные темы и сообразить, к чему ты клонишь.

– И хорошо себя чувствуешь?

– Ну... голова болит немного.

– «Голова болит... немного», – передразнила Томка иронично. – Голова... без мозгов. Ульяш, ты уже дважды должна была умереть. И не в яме, а до неё. И, конечно... – её взгляд упал на мою руку. И на браслет. – И, конечно же, не обошлось без Жорика.

Браслет сам собой расстегнулся и змеёй уполз к Томке. Простейшее плетение колец, серебро – отцовский подарок на какой-то Новый год. И два почерневших, погнутых звена в ровной цепи.

– Да-а-а... – подруга изучила браслет, осторожно ошупы-

вая чёрные звенья. – Каждый день благодари судьбу за Жорика. И его – за то, что приучил тебя носить защитные амулеты. И так каждый день спасает твою безалаберную голову и неуёмную задницу.

– Том!..

– Молчать! – рявкнула она, снова разозлившись. – Завтра же скажу Анфисе Никифоровне, чтобы она запретила тебе лезть в это дело!

– Но, Том!..

– Что «Том»? А если Жорик однажды ошибётся? Самоубьёшься по дурацки в ближайшей же подворотне, и никто из нас, поверь, этому не обрадуется!

– Так хоть отмучаюсь! – я тоже начала злиться.

Подруга закатила глаза. Помолчала, нервно расплетая и снова заплетая косу, и почти спокойно объяснила:

– Ты об этом заклятье слышала. На уроках по запрещённой волшебке. Если, конечно, не прогуливала. Это «Путь в никуда». Его распознать трудно, но возможно. И его верный признак – ветер. Ветер даже в закрытом помещении, похожий на лёгкий сквозняк и пахнувший трясинкой. Ветер, вырывающий из тела душу. Идеальный щит, прикрывающий, стирающий следы и убивающий.

– Оно же... утерянное!

– Кто-то теряет, а кто-то – находит, – Томка наконец оставила в покое свои волосы и посмотрела на яму: – Знаешь, что это?

– Проверка на профнепригодность? – буркнула я. – Да, знаю. Кроличья нора. Кто-то из нечисти пытался просочиться сюда с *той* стороны. Из мира мёртвых.

И, кажется, просочился, да не один... И вспомнился разговор «пауков»: «Ловушка сработала. Нас предупреждали, что ведьма-проверяющая пойдёт по следу чужаков, и она пошла. И попалась». Осознание потекло по спине холодным потом, и нервно зачесалась левая рука. Немыслимое везение...

– Иди-ка ты домой, – велела Томка. – Иди, выпей свою гадость от нервов... Такси вызвать?

– А ты? – я достала из кармана сотовый.

– Осмотрюсь.

– Том...

– Я всё сказала. И с Верховной поговорю, – она посмотрела на меня сочувственно: – Ульяш, ты знаешь, как я к тебе отношусь. Ты мой единственный друг и единственная искренняя ведьма в нашей клоаке. И ты одна по-настоящему мне веришь. Так верь и сейчас. Лучше тебе держаться подальше от этой истории. Целее будешь. И живее.

Я недовольно фыркнула и отвернулась.

– А ещё тебе надо... стресс снять, – добавила она негромко. – Ты пропиталась силой нечисти. Понимаешь, почему Аспид, бездушная тварь, тебя спас? Потому что ты пахнешь не ведовством, а нечистью.

Минус моей воздушной сферы, да. Становлюсь тем, с кем

чаще всего вожусь, – по энергетике, запаху, ощущению. Временно, но это осложняет жизнь. И выползает наружу очень не вовремя. На пару дней бы за город, где есть Барские развалины с катакомбами, заглушающими выбросы силы... Только на кого оставлять Зойку? Не на Жорика же... А впрочем, завтра общий сбор, и Верховная что-нибудь придумает. Да, Жорик-Жорик... «Суну нос, куда не надо, – кончу ещё хуже тебя»...

От угрюмых мыслей отвлёк телефонный звонок. Томка босиком уже крутилась возле ямы.

– Да? – спросила я устало.

– Ульяна Андреевна, доброй ночи, – проворковали в трубку.

– Доброй, – безукоризненная вежливость Арчибальда почему-то сразу начала раздражать.

– Я изучил посылку и хочу выразить восхищение вашей работой, – продолжал он. – И не убили, и не покалечили, и мозг не повредили, и...

– Арчибальд Дормидонтович, пожалуйста, короче.

Опасность миновала, адреналин кончился, и усталость навалилась со всех сторон.

– Где вы находитесь? Вас подвезти?

А почему бы и нет?

– Старый жиркомбинат. Остановка – напротив секс-шопа.

Он почему-то хихикнул. Пообещал, что будет минут через десять.

Я надела куртку, перекинула через плечо сумку и попрощалась с Томкой. С опозданием, но примчалась спасти верхом на огнетушителе... Сценка с Аспидом подняла настроение, и до остановки я добрела, улыбаясь. Купила в кругло-суточном киоске воду, села на скамейку и глянула на часы. Однако под утро... Пустые улицы, оранжевый свет фонарей, мигающие светофоры, шелестящая листва, грудастая неоновая фифа напротив. Осень кралась по городу, виляя рыжим хвостом, путая следы и принося тревогу. И меня её обострения тоже не обходят стороной.

Опустошив бутылку, я бездумно наблюдала за ветром, гоняющим по дороге листья, пыль и фантики от конфет. Проклятая привычка жить... Однажды меня вытащили с того света, и с тех пор я его боюсь. Очень. Страх смерти как неизвестности – это одно, а страх известного – другое, более сильное явление. И я изживала его всеми силами, но страхи – как сорняки. Либо корешок оставишь на недосыгаемой глубине, либо семечко проглядишь, либо... Либо почва – такая удобренная и благодатная, взрыхлённая «прополкой», что новые страхи приживаются на раз.

Я упрямо поджала губы. Хватит. Надрожалась по углам. Лезла, лезу и буду лезть в бутылку, но докажу себе, что страха смерти во мне нет. Правда, когда это случится, мне уже будет всё равно... Но не всё равно сейчас. Я хочу лишь одного – жить. Жить и дышать. А остальное – побоку. И никаких глобальных Целей, Задач или Планов-на-будущее я не име-

ла. Вообще. Бабочка-однодневка. Растение, как говорила тётя Фиса. Распустила листья и давай радоваться солнцу. Или дождю. А я кайфовала от ощущения жизни каждый день, и мне этого хватало. О жизни и её целях пусть размышляют те, кто боится жить. А я... не боюсь. Даже после сказанного Томкой. Там, где начинается страх смерти, всё заканчивается страхом жизни.

У тротуара притормозил скромный серый «лексус». Я отключилась от самоанализа и присвистнула. Как, однако, живет нечисть... Не красный, но джип.

– Ульяна Андреева, простите, припозднился, – «паук» вышел и открыл мне дверь. Снял шляпу и улыбнулся: – Чудесно выглядите.

Я не выдержала и рассмеялась. Волосы дыбом, на щеке горит царапина, вся в грязи и болотной вони...

– Зачем же в глаза-то врать, а, Арчибальд Дормидонтович?

– Нечисть не умеет врать, а женщина всегда чудесно выглядит, – заявил он убеждённо и пафосно. – Она – венец творения природы, жемчужина в раковине слизистого мира, смысл его существования!

– Да вы поэт и философ, – я восхищенно цокнула языком и села на переднее сидение. – Жаль, тётя Фиса вас не ценит.

– Да, жаль, очень жаль, – фальшиво взгрустнул мой собеседник и глянул пронизательно: – Что, Ульяна Андреевна, тяжело отпускает?

– Переживу, – я дёрнула плечом.

Или я его переживу, и страх меня переживёт. Исход в любом случае один, а вот удовольствие от процесса разное. Я предпочитаю наслаждаться первым.

– Осторожнее, – предупредил он серьёзно. – Смерть любит играть, но не любит тех, кто беспокоит её по мелочам.

Я кивнула. «Пауки» такое чуяли. Он снова глянул на меня и замолчал. Я тоже не заговаривала. Незачем торопить. И ушла в окно. Арчибальд Дормидонтович ехал с педантичной аккуратностью. Останавливался на каждом светофоре, мягко тормозил перед «лежачими полицейскими» и не гнал, несмотря на полное отсутствие машин и пешеходов. Из магнитолы лился шум дождя, а по салону расплывался дорогой мужской парфюм и мой болотный «аромат».

– У меня для вас, Ульяна Андреевна, пренеприятнейшие известия.

Я снова кивнула. После слов Томки о «Пути в никуда» нетрудно догадаться, что с «паука» ничего стрясти не удалось.

– Едва мы его памяти коснулись...

– Стёрлась?... – я внутренне похолодела. Я-то жива благодаря оберегу, а...

– Нет, к счастью, – он тормознул на «зебре». Из сумрака вынырнул бродячий пес и неспешно потрусил через дорогу. – Но включился механизм самоликвидации. Мы ничего не успели сделать. Простите.

– Ерунда, – и я тихо зевнула в кулак. – Это дело изначально... дрянное.

– Согласен, – кивнул Арчибальд Дормидонтович. – Когда дело касается нашей расы... вы же понимаете, не зря выбор пал на таких, как я. Только мы умеем уничтожать следы. И себя.

Я промолчала. Да, верно.

– Но одну странность я, Ульяна Андреевна, обнаружил, – «паук» свернул в подворотню и подрулил к моему дому. Припарковался у подъезда и серьёзно посмотрел на меня поверх очков: – И странность подозрительную.

– Какую? – я отстегнулась.

Он помолчал, подбирая слова, и неспешно начал издали:

– Вы знаете, я врач...

– Арчибальд Дормидонтович, не томите. Я засыпаю на ходу, а ваш голос – как успокоительное. Усну же прямо здесь, не дождавшись главного.

«Паук» польщенно улыбнулся в усы, расправил сухие плечи и повторил:

– Я – врач, хирург с многолетним стажем. И успел осмотреть скелет – яд кости разъедает больше, чем плоть. И кости – строение скелета – мне показались подозрительными. Они... не наши.

– В смысле? – я выпрямилась.

– Не совсем наши, – поправился Арчибальд и пощипал

бородку. – Понимаете, Ульяна Андреевна... Вы в курсе законов эволюции?

– Про теорию Дарвина слышала, – я снова зевнула в кулак. – Правда, это давно было... Но в общем в курсе. А что?

– Мы эволюционируем быстрее людей, и изменения начались, когда люди перестали жечь ведьм, а ведьмы – нас, – он побарабанил по рулю и зачем-то поправил зеркало заднего вида. – Сначала мы усваивали повадки и привычки – простейшие. Потом научились переставать кожные покровы. Потом скелет, – и протянул ко мне руку, поясняя: – Нарастивать дополнительные позвонки и хрящи, чтобы вытянуть торс. Это дьявольски болезненный и долгий процесс, скажу я вам, Ульяна Андреевна, и нас учат этому с пелёнок. Чтобы отличительные особенности фигуры не бросались в глаза. А у индивида, который попал к вам в руки, – у взрослого индивида, замечу, – дополнительных позвонков нет.

– Он не умел оборачиваться человеком? – я аж проснулась.

Как же я устала, раз не обратила внимания на столь заметные детали... Ведь держала же одного за горло, а ничего странного не заметила...

– Нет, не умел. Максимум – кожная маскировка.

Я недоверчиво повернулась:

– Вы хотите сказать...

– Не хочу, а говорю, – Арчибальд смотрел на меня спокойно и уверенно. – И как врач, и как... особь. Эти ребятки

не из нашего мира.

Однако... дела. Я устало потёрла виски. Да, и кроличья нора как раз в тему... Кто-то вытащил нечисть *оттуда*, но зачем? Пятёрка «пауков» – мелковато. Хотя...

– Спасибо, Арчибальд Дормидонтович. Я, пожалуй, пойдду...

– Идите-идите, Ульяна Андреевна. И подумайте. Разгадка на поверхности. Надо лишь правильно сложить кусочки мозаики.

Я вылезла из машины, попрощалась и поплелась к подъезду. Оглянулась на звук мотора и проводила «лексус» напряжённым взглядом. А на поверхности ли?.. Или под землёй – если кто-то из наших ведьм начал призывать нечисть с *той* стороны?.. Звучит бредово. Ритуалы слишком сложны и опасны, но...

Кирюша открыл дверь, едва я попыталась попасть ключом в замочную скважину, и радостно сгрёб меня в охапку.

– Жива... – призрак выглянул из кухни и неумело перекрестился. – А я-то уж чего только не...

– Жор, я тебе обязана по гроб жизни, – я выбралась из цепких объятий Кирюши. – За амулеты и...

Обеспокоенно посмотрела на закрытую дверь гостиной.

– Дома, – успокаивающе улыбнулся дух. – Спит. Так умиралась, в «Гарри Поттера» играя, что за столом заснула. А я в постель её и... того. Укрыл. На месте дитё, не дрожи.

И я разом сдулась, как проколотый шарик. Совесть с От-

ветственностью помогали держаться и не засыпать на ходу, гнали домой – убедиться, но как убедилась...

– Завтра расскажу, ладно? – я скинула на руки Кирюше сумку и куртку.

– Жива, – повторил Жорик и выдохнул: – Вот шо главное, то главное...

Я не решилась уточнять, что за предчувствия его терзают. Ушла в душ, а после, завернувшись в халат, приползла на кухню. Прохладная вода взбодрила, и захотелось есть. Призрак, напевая «Молдаванку», уже резал сыр.

– Жор, а что в мире нового? – я налила чай и села есть.

– А тобі воно трэба, га, Уль? – улыбнулся он.

– Надо, – я проглотила сыр и зевнула: – Расскажи мне, как космические корабли... бороздят Большой театр.

– Спаты, ненормальна! – шикнул Жорик. – Того й дывысь, тут розстелыся!..

– Жор, мне ж ещё речь на завтра сочинять, выступательную, – я вздохнула и посмотрела на чайники в кружке.

– Не прям же щас! – возмутился он. – Спати-спати, живо-живо!

– Цигель-цигель, ай-лю-лю, – отмахнулась я весело. – Жор, ведь ты ж не немец! Признайся!

Призрак надулся, но его «гнева» хватило буквально на минуту. И он расплылся в добродушной улыбке:

– Да, бабка моя – украинка. Но то ж давно было, то ж неправда. И не... – як по-русски?.. – глаза мне не отводи!

Спати, сказал!..

В минуты такой агрессивной заботы Жорик до слёз наполнил отца. Он также вечно гнал меня, уставшую от катания с горок или беготни по площадке, в постель чуть ли не пинками. А если не запинывал, то раздевал, уносил, укладывал спать и рассказывал сказку. Пока не ушёл из семьи.

– Лучше «зубы мне не заговаривай», – я допила чай и догрызла последний ломтик сыра. – Знаешь, перехотелось. Столько всего случилось сегодня, так подумать надо... Но голова болит.

– Уля, зачем тебе думать? Ты ж природою для дела сделана, – заметил Жорик снисходительно. – Какое ж тебе думать, девонька? Тебе бы дрын в руки да на коня лихого, да ветром в чисто поле, да погань походя в капусту! А ты – думать... Глупостями не страдай. Спати топай. Во сколь будить завтра?

– К двенадцати надо бы встать, – я глянула на настенные часы.

Почти шесть утра. Я попробовала провести нехитрые расчёты и понять, сколько проторчала в кроличьей норе, но не сложилось. Теперь это навсегда потерянное время, бег которого я даже не почувствовала. И сил с дыханием почти не прибавляется. Вывернулась наизнанку. За пару дней восстановлюсь, но... Мало мне проблем с полётами...

Поблагодарив Жорика за всё хорошее, я отправилась спать. Но сон не шёл. Я ворочалась с боку на бок и думала.

И пусть призрак трижды прав насчёт меня, и я создана для дела. На мыслительный поток этот довод не действовал. Он тѣк сам по себе, неподконтрольный и пугающий. Страх я худо-бедно загнала в угол, а вот мысли... «Пауки» без признаков эволюционной адаптации, кроличья нора и путь в другой мир, слова Кыса про течение времени... И ловушка, и охота на девочку, и...

...и очень хотелось позвонить Томке. Чтобы опять попросить её не жаловаться Верховной и побожиться, что я больше так не буду. И пообещать сидеть на попе ровно и не лезть в смертельные неприятности. Но казус в том, что мы с неприятностями не умеем существовать отдельно друг от друга: или они меня ищут, или я их. А когда встречаемся, то или они меня, или я их. И только смерть разлучит нас. Но убедить подругу в том, что правильнее влипнуть в полезные неприятности, невозможно. Она упрямее беса.

– Шо ж тебе не спится-то, вертка, а?..

– Жор, а Расскажи сказку?

– Ох, дытыно... О духе кровопивцэ з сэла Пропаше Мисто чула?

– Нет. Расскажи? Только не пересказывай опять «Вия», «Всадника без головы» или «Красную руку, Чёрную простыню и Зелёные пальцы». Хочу настоящую, живую историю.

– Ну, внимай. Но единожды пикнешь – прекращу, лады? Як бабуся сказывала, духи на пустом месте не родятся – духи шукают причину, шоб... Уля! А ну, цыц! Бякнешь, чего тут

сизу, – уйду! К подушке и спати! Так, а я шо... Як бабуся
моя сказывала...

Глава 6

*О, с ведьмами никогда ничего не случается.
Помни об этом. Как правило, это мы случаемся с
другими людьми.*

Терри Пратчетт «Хватай за горло!»

Я встала сама и ровно в двенадцать, возбуждённая схваткой и готовая к бою: во сне гоняла духа-кровопийцу по Гиблому Месту, а он, ушлый, сначала за жителей прятался, а потом удрал в кроличью нору, оставив меня с носом и старым страхом. Поворочавшись с боку на бок, я позвонила Томке узнать, во сколько сбор. «В восемь вечера. Заеду, как обычно, в шесть», – буркнула она сонно и отключилась. В шесть – так в шесть. Я потянулась и встала. В другое время проспала бы до трех дня, но... Гости. И негоже мариновать ребёнка в четырёх стенах.

На кухне опять царил игровой шабаш и пахло сырным омлетом. А что, хорошая традиция...

– Ты сюды чего ходишь? Сюды ж надо, от же боб висит! – Жорик опасно ткнул пальцем в экран ноутбука.

– Добрый день, – Зойка, заслышав мои шаги, подняла голову и робко улыбнулась.

– Добрый, – я сунула нос в сковородку и зажмурилась от удовольствия. – Пахнет обалденно! Кстати, ты как насчёт погулять?

– Уля!.. – возмутился Жорик. – Опасно ж поди!

– Дома опаснее, – возразила я, наливая из турки кофе, – рехнёмся с тоски и загрызём друг друга.

Я села за стол, а Зойка закрыла крышку ноутбука и радостно кивнула. Призрак неодобрительно покачал головой, а Кирюша покрутил пальцем у виска.

– Позавтракала? Тогда беги, собирайся.

– Уля, я этого не одобряю. На неё ж охотятся...

– Твои предложения?

Жорик неопределённо пожал плечами. Я прожевала кусок омлета, проглотила его и тихо добавила:

– Нам сегодня ещё на сбор Круга ехать. Надо же где-то позитива набраться перед этим... – я махнула рукой и подцепила вилкой последний кусочек омлета.

Посиделки в Кругу напоминали встречи в клубе анонимных алкоголиков из дешёвых фильмов и начинались всегда одинаково: «Я, такая-то и такая-то, и я – алкоголик ведьма». Обычно мы, как родственники, собирались или раз в год, или по поводу – поесть, выпить и пересчитаться. И перемыть друг другу косточки. Сейчас, конечно, повод для сбора более чем серьёзный, но две трети встречи наверняка пройдут как обычно. Скучно, нудно, под пафосное вещание Верховной и аккомпанемент «шу-шу-шу» изо всех углов.

– Зайди тогда в книжный и почитать купи, – предложил Жорик. – От газет уже погано.

– Чего купить?

– Достоевского хочу.

– Жор, давай серьёзно. Собрание сочинений Достоевского у тебя есть. Полное причём.

– Лескова тогда.

– Аналогично. Второй шкаф, третья полка. А нового, как ты понимаешь, наши классики, увы, никогда и ничего уже не напишут. Они – не ты.

– Тогда...

– Жор, – я украдкой пододвинула к нему ноут, – освой компьютер, интернет и электронные книги. Зачитаешься.

– Подь ты со своей бисовой техномагией!.. – он аж из-за стола выскочил.

– Ну и зря.

Я допила кофе, помыла посуду и проинспектировала холодильник. И шкафчики. Надобно затариться. И крупы почти закончились, и в холодильнике – тишь да гладь...

– А притащи-ка «Гарри Поттера», – вдруг решил Жорик. – А шо, молодь прётся, а я ж не хуже.

– Договорились.

В спальном районе гулять особо негде – пивнушки, торговый центр с тряпками да детские площадки. Зато в торговом есть и книжный магазин, и продукты, и детский городок с игровыми автоматами. Яркий, шумный и разноцветный, мигающий сотнями лампочек и полный ребятни разных возрастов.

Зойка поначалу стеснялась и молчала, корчила из себя

взрослую и свысока посматривала на резвящуюся детвору. Но когда я забила ей в аэрохоккее три шайбы подряд, заразилась моим азартом. А что, во времена моего детства такого не было, и я с удовольствием гоняла на машинках, стреляла в тире и летела на «мотоцикле» по интерактивному городу. Жаль, на батут не просочиться и не попрыгать, даже под предлогом «а я сопровождаю» и с объяснением «я же воздушная ведьма, не сломаю»...

Радостно просадив четверть моей зарплаты, мы отправились в книжный – за «Гарри Поттером» и рисовальными принадлежностями, а после – в детский за тряпками. Алла додумалась привезти ребенка с одной пижамой и сменой труселей. И ведь не звонит, кстати. Если не забуду вечером... А после тряпок – в супермаркет. Зойка окончательно оттаяла. Грызла мороженое, вертела головой по сторонам и поминутно спрашивала: «А что это?». Видать, ребёнок всю жизнь просидел в четырёх стенах.

– Уль, а кто это?

Я отвлеклась от сыров.

– Где?

Рядом с нами, тщательно изучая даты изготовления, выбирала молоко очень высокая и худая женщина. Длинные костлявые руки, вытянутое лицо, тёмные круги под глазами, синее пальто висит как на вешалке, тонкие губы фиолетового цвета. В шаге от неё переминался, с подозрением косясь на Зойку, парнишка лет двенадцати. Весь в маму. Со стороны

они казались обычными людьми, очень больными, но обычными. Однако...

– Это нечисть, – ответила я тихо. – «Малиновки».

Женщина наконец выбрала молоко и повернулась ко мне. Удивлённо замерла на секунду и вежливо улыбнулась. Губы посинели, коричневые круги под глазами покраснели. Зойка тихо ойкнула, попятившись, и в её серых глазах заискрился опасливый интерес.

– Здравствуйте, Ульяна Андреевна, – голос у женщины был низким, хриплым, грудным.

– Доброго дня, Евгения Геннадьевна. Привет, Лёш, – я кивнула пацану и задала дежурный вопрос: – У вас всё в порядке?

Она оглянулась и тихо спросила:

– Сбор сегодня?..

Нечисть всегда в курсе событий, и бог знает, как ей удастся узнавать такие вещи...

– Да. А что?

– Вы будете говорить? – она смотрела на меня испытывающе и с волнением. – Вам дадут слово на выступлении?

– Не возьму сама – так всучат силой, – отшутилась я мрачно.

Лёшка глянул на меня украдкой и показал Зойке выющийся фиолетовый язык. Девочка просияла до ямочек на щеках и ответила тем же. Парнишка выпучил ядовито-синие глаза. Зойка дёрнула меня за рукав пальто, подняла взгляд и за-

улыбалась. Подобное тянется к подобному, да.

– Ульяна Андреевна, мы уезжаем. Завтра утром, – сказала Евгения Геннадьевна. – Неуютно здесь становится... неспокойно.

– Где именно «здесь»? – уточнила я и переложила тяжёлую корзинку с одного локтя на другой. – В нашем районе или вообще?

– В городе. Тучи сгущаются. Гроза надвигается. Буря, – женщина прикрыла синие глаза и посмотрела на меня сверху вниз. – Сильная буря. Не хочу рисковать ребёнком. У меня брат живет в Самаре... Пока – туда. А минует... вернёмся.

Пауза после слова «минует» была очень многозначительной. Неуверенной. Точно не факт, что... минует. И минует благополучно.

– Хорошо, я доложу. Доброго пути. И жду вас обратно, – я подмигнула Лёше.

Тот, насупившись, снова показал язык.

– Сын!.. – одернула его мать.

– Ничего-ничего, – и я тоже показала пацану язык.

Он недоверчиво заморгал. Это на вид ему двенадцать лет, а сознание – как у трехлетнего. «Малиновки» растут и физически развиваются быстро, а вот умственное и психическое развитие начинается после двадцати человеческих лет.

– Расскажите на Совете про бурю, – попросила Евгения Геннадьевна. – И берегите себя, Ульяна Андреевна.

Мы распрощались. Я задумалась, быстро и на автомате

выбирая продукты. Зойка летала от прилавка к прилавку, хватая то мороженое, то пакет креветок, то соус с любопытствующим «надо?..». Я рассеянно кивала, и хорошо, ей хватило ума и совести не тащить к кассе всё выбранное. М-да, совесть-Совесть... Совесть было не по себе. Ответственности – тоже. Я ведь обязана защищать порученное, и оно платило ведьмам нехилые налоги за спокойную жизнь. И если нечисть бежит... значит, не верит в защиту. И в нашу силу. Значит, то, что грядёт... сильнее Круга.

Домой мы шли в молчании. Зойка сосредоточенно грызла очередное мороженое, а я тащила пакеты и мрачно посматривала по сторонам. И у фонтана решила сделать остановку. Поставила пакеты на бортик и перевела дух. В стальной воде плавали опавшие листья, отражались гроздья рябин и крошечное окно в небо меж жёлтых ветвей и пушистых облаков. Я воровато оглянулась. Моя спутница доела мороженое и зашуршала в кустах, собирая осенний букет. Из сквера доносились редкие голоса галдящих пичуг и гуляющих мамаш. Ну, была не была...

Я втянула носом воздух, мысленно возвращаясь на три дня назад, в тот поздний вечер, когда случилось странное видение. И посмотрела на себя со стороны. Ноги в ледяной воде, туманная дымка над чашей фонтана... И всё. Нет, видение не стёртое. Стёртую мазню не скроешь. Оно не отпечаталось в воздухе – пришло и исчезло, не оставив следов. Я задумчиво прищурилась на спокойную воду. Ушло и, по-

хоже, не собирается возвращаться. А если и вернётся – то само, как заметил Кыс. Жаль.

– Зой, идём, – я подняла пакеты.

Дома мы быстро разобрали покупки, и я на скорую руку приготовила голубцы и грибной суп. Люблю готовить – хорошо нервы успокаивает... Перед встречей в Кругу меня слегка потряхивало, и я отвлекалась, как умела. И, закончив с ужином, зарылась в шкаф.

– Зой, собирайся! Через час выходим!

Обязанность являться на «круговой» сбор при параде завела предшественница тёти Фисы, а та усердно традицию поддерживала. Как шутили ведьмы, чтобы хоть раз в году выгулять вечерние платья. А я, как обычно, не знала, в чем пойти. Из гардероба обычно пользовалась вещей десять – что под руку попадалось, то и надевала. Но питала слабость к платьям. И когда меня доканывал собственный бомжовский вид, я устремлялась по магазинам и спускала ползарплаты на платья. Уверяя себя, что обязательно и непременно... Зря, разумеется. Только тряпок наплодила столько, что терялась в выборе.

И, сейчас, не теряя времени даром, я зажмурилась и вытащила одно наугад. Строгий синий «футляр». Пойдёт. А с обувью ещё проще – на неё после платьев уже не оставалось денег. И единственные «культурные» демисезонные сапоги на каблуках скромно ждали своего часа в коробке на шкафу.

Распотрошив в ванной косметичку, я быстро накрасилась

и взялась за причёску, когда в зеркале замаячил, отвлекая, Кирюша. Смущённо теребя ворот пальто, он многозначительно постукал костяшками пальцев по стене. Той, что граничила с гостиной. Я отложила расчёску и пошла за скелетом. Заглянула в комнату и качнула головой. Зойка сидела на полу, в чём пришла, и рассеянно перебирала колечки для плетения.

– В чём дело? – спросила я негромко.

– Не пойду, – она отвернулась.

– Почему?

Девочка молча ссутулилась.

– Боишься?

– А вдруг я не ведьма?.. – тихо-тихо, на грани слышимости. – Вдруг я только... нечисть?..

– Конечно, ты ведьма, – сказала я убеждённо. – Нечисть не имеет изначального полноценного человеческого облика, и в твоём возрасте только учится маскироваться под обычного человека. А ты – человек. И ведьма.

– Докажи! – девочка обернулась. Глаза снова подёрнулись туманной дымкой, губы сжались в тонкую линию.

Ну-с, Ульяна, не плошаем и не разочаровываем ребёнка, даже если сил после вчерашнего – кот наплакал...

– Смотри, – я закатала правый рукав, пережала пальцами вену на сгибе локтя и задержала дыхание.

Раз, два, три... По вене пробежались искры, и на сгибе замерцал голубым клубок света. Зойка подалась вперёд.

– Это наш «уголь», – я улыбнулась её любопытству. – Средоточие ведьминой силы. Хочешь на свой посмотреть? Раз тебе скоро тринадцать, то он уже должен сформироваться. Хочешь? Давай руку.

Она кивнула и быстро закатала рукав свитера.

– Левша?

– Это плохо? – Зойка насторожилась.

Кровь нечисти – есть кровь нечисти... Правая рука – свет, левая – тьма. Но ещё не факт, что «уголь» – именно в левой руке.

– Нет. Я тоже левша. Переученная. В мои времена требовалось, чтобы все были как все, – пояснила я, присев на корточки, и скомандовала: – Вдохни и не дыши.

Раз, два... Я едва успела отдернуть руку. Вена заискрила, и на Зойкином локтевом сгибе вспыхнуло ослепительное белое пламя. Нет, не пламя – а Пламя. Я изумленно уставилась на её побелевшее личико. Потенциальная Верховная... Редчайший случай...

– Видишь, не такое... – её губы задрожали, мордочка испуганно сморщилась. – И не там, не справа...

– Конечно, не такое... – я неотрывно смотрела на Пламя. А оно весело мерцало, брызжа искрами. – Конечно, не там... Но это точно ведьмин «уголь».

– Нет, не «уголь»! У тебя – другое и...

– Да что ты? – фальшиво удивилась я. – А из чего разгорается пламя?

Она не нашлась с ответом.

– Так, – я встала с пола и одёрнула юбку, – собирайся. Томка вот-вот заедет. Успеешь собраться быстро – успею рассказать, что к чему, – и пошла обратно, в ванную, доводить до ума причёску.

Любопытство – двигатель прогресса, да. Через пятнадцать минут Зойка, нарядившись в новое платье, сидела на кухне рядом с Жориком. Тот усердно читал и, судя по довольной рожице, был потерян для общества дня на три, то есть на семь книг про Гарри Поттера со товарищи.

Я налила девочке чаю и взялась за расчёску:

– Повернись, косичку заплету.

Плести-то не из чего... Волос тонкий, ломкий, пушистый.

– «Уголь» – это концентрированная... собранная в одной точке энергия. Сила. Мы рождаемся как со способностью самостоятельно вырабатывать силу, так и со способностью поглощать. Впитывать то, что нас окружает. И эта способность у всех разная. Как волосы, – я мягко дернула Зойку за пушистый хвостик тонкой косы и подколола непослушные прядки «невидимками». – У кого-то от природы волосы толстые и пышные, у кого-то – слабые. У меня способность слабая и «уголь»... обычный. А у тебя – сильная. Чем сильнее способность вырабатывать и поглощать – тем ярче и сильнее «уголь».

Она внимала и мелкими глотками пила чай. То ли не верила... то ли боялась поверить.

– Зой, – я села рядом, – что тебе говорили о твоей силе? К чему готовили? – и чем, чёрт побери, напугали?..

– Я – нечисть, – ответила она просто и уткнулась в кружку.

– Бедово дитё... – посочувствовал Жорик из-за книги и перелистнул страницу. – Уль, як же так, э? Ведуму с поганью почем зря спутали... Нонсенс!

Я не стала напоминать, как он испугался перевоплощения и чего со страху наговорил. Но в одном прав: ведьму с нечистью никогда не перепутаешь. Нечисть в детстве не ломает так, как ведьм. И эффект поглощения энергии проявлялся очень сильно. В доме, где живет подрастающая ведьма, всегда... пусто. Мы впитываем абсолютно всё – от растворённых в пространстве эмоций людей-соседей до остаточных следов магии родственников, – и это становится основой «угла». О нестабильности внутренней силы вообще молчу.

Нет, что-то тут нечисто. Но дитё, да, именно что бедовое. Запищал сотовый. Пора на выход.

– Жор, что посоветуешь? – обувшись и накинув пальто, я вспомнила про амулеты.

– А ничего, – сообщил из кухни призрак. – Всё мимо будет. Ничего не подсобит.

– То есть? – удивилась я. – Сегодня ничего не случится? Не верю!

– Этого я не говорил. Но помощи не найду. Всё, кыш, я занятый.

Ладно. Значит, положусь на то, что я, по народной приба-

утке, везучая.

На улице уже стемнело. Томка ждала нас в машине. Синяя «хонда» требовательно просигналила и щёлкнула замками, открываясь. Зойка нырнула на заднее сиденье, а я взялась за ручку передней дверцы и замерла. Свет от приподъездного фонаря – размытое отражение в оконном стекле – мутировал в крылья колоннад. Тумана не было, но похолодало резко и сильно. Я уставилась на дрожащее марево портала. Вот же...

– Ульяш, поехали! – Томка газанула, и машина дёрнулась. – Опаздываем!

Фонарь резко потух, видение зарябило и пропало. Тёплый осенний ветер унёс холод, закружил в ногах опавшими листьями. Я быстро села. Кыс-Кыс, что же тебе ещё известно... Томка рванула с места в карьер. Она никогда не пристёгивалась и водила так, что я и пристёгивалась, и за ручки цеплялась. И заклятье «воздушной подушки» наготове держала.

– Как самочувствие? – подруга внимательно покосилась на меня.

– Нормально, дышу, – буркнула рассеянно и спохватилась: – Зой, это Тамара, ведьма из Круга. Том... ну, ты в курсе.

Томка повернулась и подмигнула пассажирке:

– Не страшно в ведьмино логово ехать?

– Не-а, – отозвалась девочка звонко и улыбочиво, а я недоверчиво обернулась.

Сияет, как начищенный пятак, довольная и ничуть не ис-

пуганная. Откуда что берётся и куда потом девается?..

Я уставилась в окно. Однако эти видения напрягают... Томка свернула на объездную дорогу, включила радио с попсой и втопила под сотню. Мимо проносились склады, свет фар выхватывал на обочинах жёлтые кусты и одинокие берёзы. Зойка что-то напевала себе под нос. Подруга вполголоса ругалась на дорожников и обгоняющих нас проклятых лихачей. А я вспоминала. «А вдруг я не ведьма?..» – и испуганные серые глаза...

– Ульяш, ты чего такая молчаливая?

– Так делать-то нечего, – я пожалала плечами. – Приходится думать.

– Слушай, я...

– Том, всё нормально, – сказала я ровно. – Наверно, меня и правда стоит где-нибудь запереть от греха подальше. У меня осеннее обострение, и на месте не сидится. Переживу.

...и белое Пламя на худенькой руке. И слова Арчибалда – о том, что девочка – ключ. И в одном старый «паук» прав. Про тёмные и страшные истории я не в курсе, но одно знаю точно: истинных, природных Верховных не было лет пятьсот, а то и больше. Последняя урождённая Верховная передала своё Пламя вместе с артефактом обычной ведьме, усилив тем самым её скромные способности. Хотя – нет, одна потенциальная Верховная была, вернее, есть, но она так «есть», что её всё равно что нет. Софья, помощница Риммы в архиве, родилась с потенциалом Верховной, но так и не

смогла его развить. Испугалась собственной мощи и предпочла забыть о своей силе. Закопалась в летописи и носа оттуда не кажет.

По радио запел Шевчук, и девчонки дружно заголосили «Что такое осень – это небо...» на весь салон. Я вздрогнула, покосилась на Томку и опять погрузилась в собственные мысли.

Так... Может ли Зойка быть ключом к тайне Верховных – и к тому, почему они перестали появляться? Верховные и среди стародавних считались редкостью – одна на тысячу горела Пламенем. И одна из тысячи могла разжечь Пламя из обычных «углей» тех, кто входит в Круг, поднимая потенциал до небес, позволяя ведьмам совершать невозможное. У «артефактных» Верховных это получалось плохо. И разжечь удавалось не всех, и летальный исход стал обычным явлением. Стародавние хотя бы успевали разгореться и совершить чудо перед тем, как. А треть нынешних даже не успевает узнать, за что, собственно, погибает. Вызов пришел – в Круг встали, а откачают ли после...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.